

РИНА ОРЕ

МЕРИДЕЯ ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

ПИБЕЛЬ ЛЮДЕТСКОГО І ДЬЯВОЛА

ТОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Рина Оре

**Гибель Лодэтского
Дьявола. Первый том**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

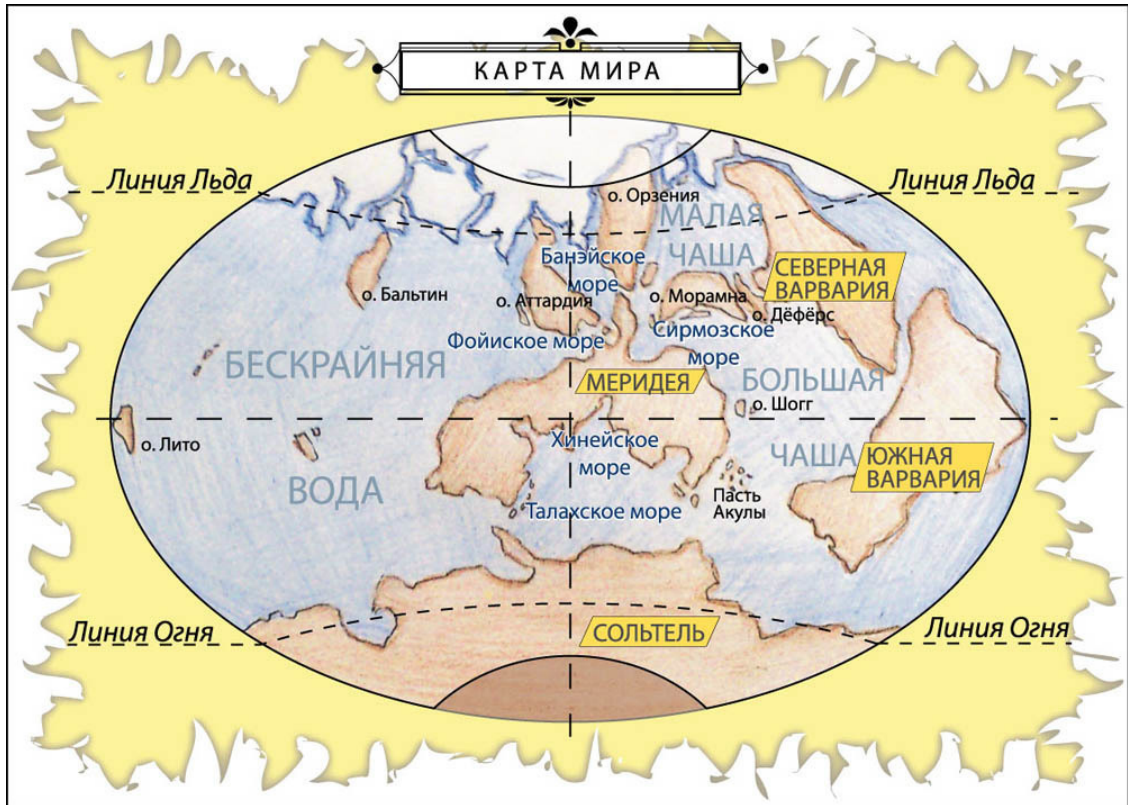
Рина Оре

Гибель Лодэтского Дьявола. Первый том / Рина Оре — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Идеей для историй о Меридее послужила средневековая легенда «Роберт Дьявол» - легенда о рыцаре, который прославился своими пороками, а затем встал на путь добрых дел. Однако цикл «Меридея» о других героях. Всё начинается в огромном по меркам Средневековья городе, среди небогатых лавочников и успешных дельцов, аристократов и бродяг, рыцарей и воинов простого звания, астрологов и алхимиков, праведников и демонов... Там же живет небогатая малограмотная горожанка, юная Маргарита — красивая, да невезучая. Ее злоключения и стали своеобразным вступлением. Иллюстрации и обложка выполнены автором. Содержит нецензурную брань.

Содержание

О Меридее и Конце Света	6
Времяисчисление Меридеи	8
Праздники Меридеи	11
Пролог	13
Глава I	17
Глава II	40
Конец ознакомительного фрагмента.	62



О Меридее и Конце Света

Всё изложенное в книге – художественный вымысел. Любые совпадения служат для описания мира, так похожего на наш.

Принадлежит этот мир прошлому нашей планеты или будущему – неизвестно и несущественно. Он ограничен Линией Льда на севере и Линией Огня на юге и состоит из четырех континентов: Меридеи, Южной Варварии, Северной Варварии и Сольтеля – самого южного и жаркого материка. Живущие в Меридее люди называют себя меридейцами, верующие – меридианцами; о трех других континентах меридейцы имеют смутное представление, щедро приправленное домыслами и небылицами.

Меридея – это собирательный образ Средневековья с ноткой Античности. Одни королевства будто живут в XV веке, другие еще в XIII. Воссоздавая те времена, невозможно избежать такой темы, как религия, поэтому для вымышленного мира придумана «меридианская вера», несколько похожая на христианскую. Впрочем, религиозная составляющая в данной книге второстепенна. Другой неоднозначный момент касается возраста. Общеизвестно, что в Средние века люди жили недолго, рано вступали в брак, детство заканчивалось в семь лет. В Меридее всё точно так же, но из-за солнечной активности время там течет иначе, поэтому их четырнадцать лет – это восемнадцать для нас. И третье: забудьте современные представления о морали, праве, быте, государстве, политике, медицине, образовании, играх, оружии, мерах длины и веса, даже о терминах или привычном смысле слов. Попадая в эпоху Средневековья, вы словно попадаете на другую планету, – тем более, если речь идет о вымышленном мире. Постепенно, от главы к главе, мир Меридеи будет раскрываться и насыщаться деталями. Советую быстро пробежать глазами раздел «Времяисчисление Меридеи» и возвращаться к нему, если что-то будет непонятно в датах или праздниках. Пролог также может показаться сложным из-за названий королевств, имен персонажей, череды событий, – усердно запоминать не надо – в нужное для сюжета время будут повторения, подробности, карты. Еще автор посчитал нужным отказаться от многих терминов заимствованных в Новое время и Новейшее время из французского, английского, немецкого или нидерландского языков, если удалось найти адекватные синонимы из русского, латинского, греческого, правда, порой пришлось выдумывать новые слова, например: «крестьянин» – это «христианин». Сами понимаете, христиан в Меридее нет...

Автор просит прощения, если кого-то обидят слова из его книги. В любой культуре есть дикие предрассудки, и Меридея их не избежала.

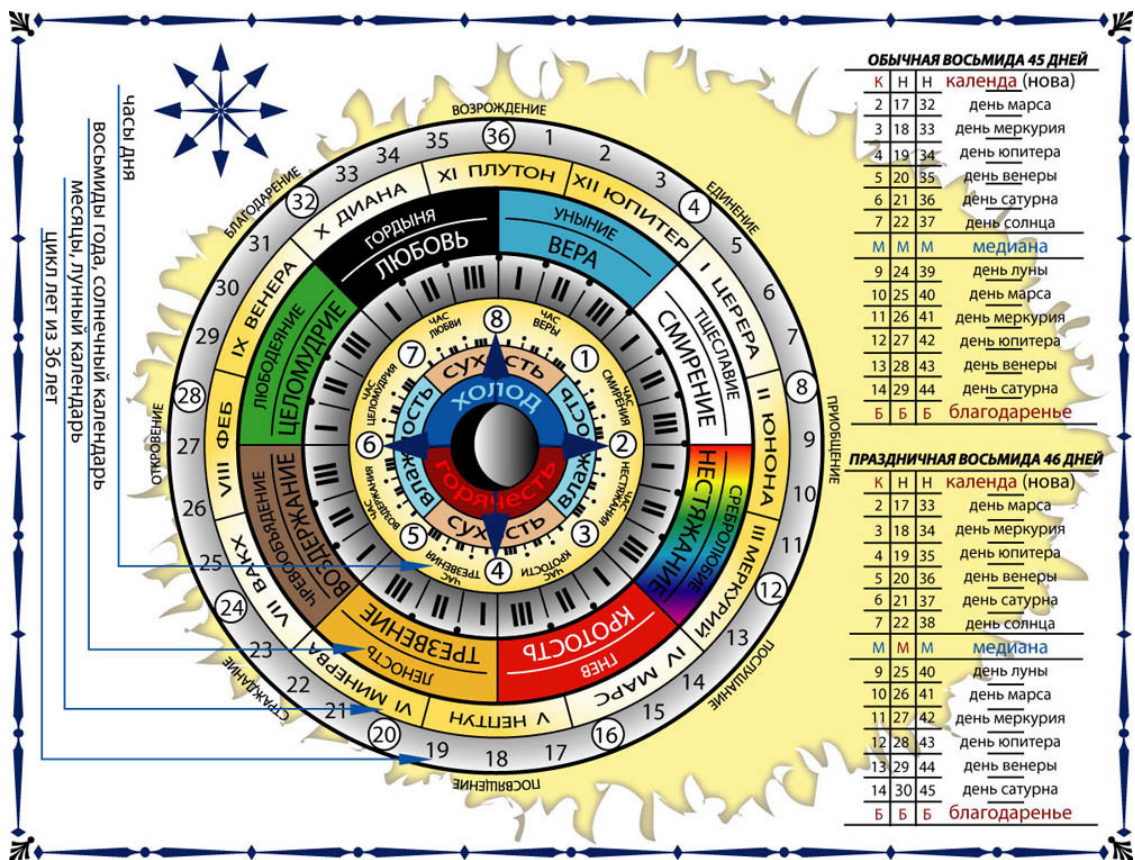
Меридианцы боятся Конца Света, апокалипсиса, а он может наступить в конце каждого года из-за столкновения светил. Чтобы предотвратить Конец Света люди должны следовать указаниям часов и календаря. Год и день разбиты на восемь частей, по числу Добродетелей и Пороков, которые понимаются меридианцами как живые, смертные сущности. Кроме того, каждому при рождении выпадает крест из четырех таких сущностей, и если он победит свои порочные склонности, то попадет в небесный Рай, иначе отправится в подземный Ад. Раз в тридцать шесть лет столкновение светил неизбежно, однако среди людей живет таинственное божество, Божий Сын, который жертвует собой, умирает в мучениях и силой своих страданий разводит светила; при этом гибнет лишь его плоть – душа переходит в тело его земного сына, младенца, – благодаря этому, алхимики знают, что теоретически бессмертие возможно для всех людей, и пытаются разгадать эту загадку.

Крест для меридианцев, во-первых, означает перекрест четырех стихий – Воздуха, Воды, Земли и Огня, – всё на свете, материальное и нет, это стихии и их смеси; науку о стихиях они называют – «знание». Характер человека и здоровье также зависят от стихий: гуморальные соки (кровь, слизь, черная желчь и желчь) соответствуют четырем стихиям, «гумор» – это

набор гуморальных соков и астрологический темперамент. Во-вторых: у каждого при рождении есть свой крест из Пороков и Добродетелей. В-третьих: крест указывает на стороны света – и со стрелами на концах он символизирует важность распространения меридианской веры, даже ценой войны, – чем больше будет меридианцев, тем вернее не настанет Конец Света – и мир спасется. В-четвертых: крест это распятие – древнейшая, жестокая и мучительная пытка, какой подвергает себя Божий Сын при смерти. Здесь же снова стоит повторить, что, несмотря на сходство символов и названий, меридианская вера – это лишь художественный вымысел, антураж, канва для создания атмосферы Средних веков.

Как и Средневековье, общество в Меридее разделено на тех, кто молится, кто воюет и кто трудится. Четвертая группа людей – бродяги, не имеющие никаких прав. Духовенство именует себя Экклесией (так в Древней Греции называлось народное собрание – высший государственный орган власти; с латыни на русский «ecclesia» – это церковь). Главный город Экклесии – Святая Земля Меридиан, где, согласно меридианской вере, находится центр мира; там каждый полдень в алтарь старинного храма ударяет молния – и такое явление зовется Божьим Судом. Духовенство держится обособленно от мирян и воинов: не вмешивается в междоусобные войны и не участвует в политических интригах. Но Экклесия ведет Священную войну на континенте Сольтель ради распространения меридианской веры, тогда как алхимики ищут иной путь спасения планеты от Конца Света. Один из них оставил такую запись: «Известно нам, что мир погибал три раза: от Огня, от Воздуха и от Воды. Как ранее спасалось человечество – неясно, но, по словам людей сведущих, единственная возможность уцелеть на этот раз – побороть Смерть и Время».

Времяисчисление Меридеи



Цикл лет – 36 лет (период между столкновениями светил)

Год – 365 дней или 8 восьмид по числу Добродетелей и Пороков

Високосный год – 366 дней (раз в четыре года)

Восьмида года – 45 или 46 дней

1 – Вера (Уныние) – 46 дней

2 – Смирение (Тщеславие) – 45 дней

3 – Нестяжание (Сребролюбие) – 46 дней

4 – Кротость (Гнев) – 46 дней

5 – Трезвение (Леность) – 45 дней (в високосном году – 46 дней)

6 – Воздержание (Чревообъядение) – 45 дней

7 – Целомудрие (Любодеяние) – 46 дней

8 – Любовь (Гордыня) – 46 дней

Триада (треть восьмиды) – 15 дней в обычную триаду, 16 дней, когда празднуются Юпитералий, Меркуриалий, Марсалий, Великие Мистерии, Венераалий или Сатурналий.

Календа – 1-ый день восьмиды или 1-ый день 1-ой триады

Нова – 1-ый день 2-ой и 3-ей триады

Медиана – середина триады

Благодаренье – конец триады (день посещения храма)

Дни в триаде: 1 – календа или нова, 2 – день марса, 3 – день меркурия, 4 – день юпитера, 5 – день венеры, 6 – день сатурна, 7 – день солнца, 8 – медиана, 9 – день луны, 10 – день марса, 11 – день меркурия, 12 – день юпитера, 13 – день венеры, 14 – день сатурна, 15 – благодаренье

День – 16 часов (8 часов от полуночи до полудня и 8 часов от полудня до полуночи)

Час – 72 минуты

Часы дня:

- 1 – час Веры
- 2 – час Смирения
- 3 – час Нестяжания
- 4 – час Кротости
- 5 – час Трезвения
- 6 – час Воздержания
- 7 – час Целомудрия
- 8 – час Любви

Триада часа (треть часа) – 24 минуты

Век – 128 лет

Век человека – 72 года

Возраст Единения – 4,5 года

Возраст Приобщения – 9 лет

Возраст Послушания – 13,5 лет

Возраст Посвящения – 18 лет

Возраст Страдания – 22, 5 года

Возраст Откровения – 27 лет

Возраст Благодарения – 31, 5 год

Возраст Возрождения – 36 лет

Второй возраст Благодарения – 40,5 лет

Второй возраст Откровения – 45 лет

Второй возраст Страдания – 49,5 лет

Второй возраст Посвящения – 54 года

Второй возраст Послушания – 58, 5 лет

Второй возраст Приобщения – 63 года

Второй возраст Единения – 67,5 лет

Второй возраст Возрождения – 72 года

Месяцы:

- 1 – Церера
- 2 – Юнона
- 3 – Меркурий
- 4 – Марс
- 5 – Нептун
- 6 – Минерва
- 7 – Вакх
- 8 – Феб
- 9 – Венера
- 10 – Диана
- 11 – Плутон
- 12 – Юпитер

Начало месяца – появление луны.

Праздники Меридеи

Возрождение – начало года, начало восьмиды Веры, середина зимы

Юпитералий (празднество мертвых) – 23-24-ый день Веры

Перерождение Воздуха – начало весны, начало восьмиды Смирения

Весенние Мистерии – середина весны, начало восьмиды Нестяжания

Меркуриалий (празднество искусств и ловкости) – 23-34-ый день Нестяжания

Перерождение Воды – начало лета, начало восьмиды Кротости

Марсалий (празднество воинского мастерства) – 23-24-ый день Кротости

Летние Мистерии – середина лета, начало восьмиды Трезвения

Великие Мистерии – 23-34-ый день Трезвения в високосном году

Перерождение Земли – начало осени, начало восьмиды Воздержания

Осенние Мистерии – середина осени, начало восьмиды Целомудрия

Венераалий (празднество любви и счастья) – 23-24-ый день Целомудрия

Перерождение Огня – начало зимы, начало восьмиды Любви

Сатурналий (празднество веселья в память о Золотом веке) – 23-24-ый день Любви

Судный День и Темная Ночь – конец года, 46-ый день Любви

Главный Судный День и Темнейшая Ночь – 46-ый день Любви 36-го года или конец цикла из 36 лет (високосный год)

Великое Возрождение – 1-ый день Веры 1-го года или начало цикла лет.



Пролог

Отрывки из «Книги Позора» Меридеи

«Рáгнер Рáннор родился в Темную Ночь, во время разгула нечистых сил, когда меридианцы зажигают все светильники, что у них имеются, да встают на колени, стараясь изгнать огнем и молитвою из мира мрак. Он, младший сын герцога Тидии, Гóнтера Рáннора, появился в пору кровавой распри двух могущественных кланов, Рáннор и Хáмтвир, за престол Лодэнии. Когда Тридцатилетняя война закончилась, ему минуло шесть с половиною лет».

«Еще не достигнув возраста Посвящения, он отправился на Священную войну, в далекие земли жаркого Сольтэля, ради благородного служения Святой Земле Меридиан, распространения веры и спасения нашей планеты от гибели. В двадцать третьем году, тридцать девятого цикла лет, двухтысячное войско выдвинулось к богатейшему городу безбожников, известному ныне как Ди́бнз. Рáгнер Рáннор был одним из тех, кто не вернулся назад. Его посчитали казненным мученической смертью в плену, но в високосном двадцать четвертом году Рáгнер Рáннор воротился из горячей, как Пекло, пустыни. Тогда и возникли первые слухи о том, что молодой оруженосец продал душу владыке Ада и пришел от безбожников уже не меридианцем».

«После своего чудесного возвращения Рáгнер Рáннор напрочь отверг бескорыстные и благородные деяния, – он покинул Священную войну и жаркий Сольтэль, дабы стать наемником правителя Аттардии. Рыцарское достоинство получил сей муж, не достигнув совершеннолетия и возраста Страдания, в девятнадцать с половиною лет, но не присягнув на верность ни одному из королей Меридеи и не избрал себе господина. Возглавляя войско как безымянный черный рыцарь, позорно обходясь черным знаменем без герба, Рáгнер Рáннор за семь лет завоевал для Аттардии остров Бáльтин. Не знал он ни уважения к противнику, ни жалости к мирному люду, и за варварскую жестокость заслужил осуждение всех меридианцев. Даже аттардии ужаснулись бессердечности того, кого наняли, и никогда не прославляли как героическое покорение Бáльтина. Даже язычники-бальтинцы устрешили кровожадности этого лодэтского рыцаря. Несколько их вождей сдались без боя, готовые принять веру, но сие им не помогло, – оборонялись бальтинцы или нет, их ждала одна участь: Рáгнер Рáннор казнил всех мужчин острова, оставляя в живых только младенцев, а его войско превратило все подземные города в руины. Бáльтин пал к ногам победителей, его уцелевшие дочери покорились, нашли новых мужей среди аттардиев и, благодарные своим спасителям, приняли новый уклад. Запуганные, они и их выжившие сыны не думали бунтовать, страшась возвращения жуткого войска под срамным черным знаменем. Собаки острова и те через пару лет порыжели да закрутили хвост колечком. Имей они людской разум, то пролаляли бы прозвание, каким наградили бальтинцы Рáгнера Рáннора, назвали бы его Король Дьявол».

«Щедрое вознаграждение от аттардиев Рáгнер Рáннор потратил на оснащение своего необычного войска, больше похожего на разбойничью банду. Насмехаясь над уставом рыцарского братства, он избрал черный цвет фоном для герба и знамени, сам стал носить одежду цвета тьмы и, в память о своем сомнительном подвиге, заказал вороненые латы, украшенные бальтинской вязью. С той поры две безносые, уродливо-веселые маски Смерти кривили рты на оплечьях его доспехов, будто бы благословляя руки рыцаря на дальнейшие убийства, а его трофейный меч из бальтинской стали на новую кровь. Добавил сей муж пугающее, словно глумящееся над всем живым, изображение Смерти и в свой герб, вознес мерзкий лик над белым морским змеем Рáнноров, да самый лучший из своих камзолов Рáгнер Рáннор пожелал украсить оными хихикающими рожицами. Он гордился своей победою, тогда как другие рыцари Меридеи со справедливым пренебрежением называли ее Бальтинской резней и презирали сего лодэтского рыцаря за то, что тот не избрал себе господина и не славил его имя, за то, что воевал под срамным черным знаменем, и за то, что служил наемником ради наживы, а не веры».

«Пока Ра́гнер Ра́ннор позорил рыцарское достоинство, воюя под черным знаменем, в его родном королевстве вспыхнула война: соседняя держава Бронта́я вознамерилась отнять у Лодэ́нии часть полуострова Ти́дия. Но этот безземельный рыцарь отрекся от рода и не вернулся защищать земли предков, продолжил служить наемником до той поры, пока не получил вознаграждение от аттардиев за утопленный в крови Ба́льтин. Лишь спустя шесть лет войны между Лодэ́нией и Бронта́ей, в високосном тридцать втором году, он прибыл в родную Лодэ́нию, и не ради ее защиты, а из тщеславного желания выиграть рыцарский турнир Великих Мистерий. Погубив без смысла в последнем поединке на мечах славного рыцаря Ва́лера Стгроб́ора и заполучив орден, Ра́гнер Ра́ннор присягнул на верность своему дяде, королю Ортвину I Хитрому, а уж тот отправил племянника исполнить долг – приказал воротиться с победой или погибнуть. Лодэ́тский Дьявол по-настоящему родился именно там и именно тогда: среди лесов и скалистых побережий тех краев. Бронтаянцы, по праву гордившиеся своими бронзовыми пушками и длинными ружьями с колесцовым замком, сдались за следующий год войны, – даже превосходное оружие не спасало воинов Бронта́и от пекла, что устроил на их земле Лодэ́тский Дьявол. Этот муж, по-видимому, еще в жарком Сольте́ле, во время своего таинственного исчезновения, получил богомерзкое знание о воспламенении веществ. Не соблюдая зимнего перемирия, безбожно воюя даже в первую триаду Веры, он с помощью примитивных метательных машин направил в сторону бронтаянских кораблей бочки, грохотавшие адским громом, взрывающиеся при падении и даже под водой взметавшие великие волны. Хитрость, как и под толщей вод использовать порох, знал лишь он один во всей Мериде́е и никому никогда не открыл этой тайны».

«В награду за победу над Бронта́ей Ра́гнер Ра́ннор получил от своего господина, короля Ортвина I Хитрого, золотые шпоры, да спорным вышло право на столь высокую почесть, поскольку тогда же затребовал Ра́гнер Ра́ннор от своего пленника, бронтаянского герцога Бю́на Винха́рда, его родовые земли. И захотел он такой выкуп, дабы осрамить самого героя Мериде́и! Так Бю́н Винха́рда, по прозванию Ха́рдский Медведь, потерял свой Медвежий угол, а Ра́гнер Ра́ннор стал владельцем графства Ха́рдмах, что лишь приумножило его позорную славу и разгневало прочих героев Мериде́и: все они условились, что за неуважение к одному из них никогда не подадут руки Ра́гнеру Ра́ннору и не объединятся с ним знаком единства в братство».

«Возымел охоту заполучить в союзники Ра́гнера Ра́ннора с его громовым оружием правитель Ладикэ́. Жаждал король Ивар IX Шепелявый отомстить за убиенного отца и возвратить в свое владение Сиренги́дию, горный кантон меж двух морей, какой отняли у него король Орэ́нзы, принц Барб́ и герцог Лиисе́мский за проигрыш в предыдущей войне. Почти пожилой уж, хотя не утративший крепости плоти, король Ивар IX посулил стесненному в средствах рыцарю тунну серебра за возвращение Сиренги́дии, но граф Ра́гнер Ра́ннор, отказался ему помогать. Король Ладикэ́ затаил обиду, однако не отступился от своего намерения: он пообещал отдать королю Лодэ́нии тунну золота за следующие пятнадцать лет, если тот отошлет с ним своего рыцаря не только в Орэ́нзу, но и в одно из самых богатейших герцогств Мериде́и: на юг Орэ́нзы, в Лиисе́м. Правитель Ладикэ́ намеревался выставить те же условия сыну Альба́льда Бесстрашного, какие получил отец короля Ивара IX: позорный поцелуй руки своего врага или достойная смерть».

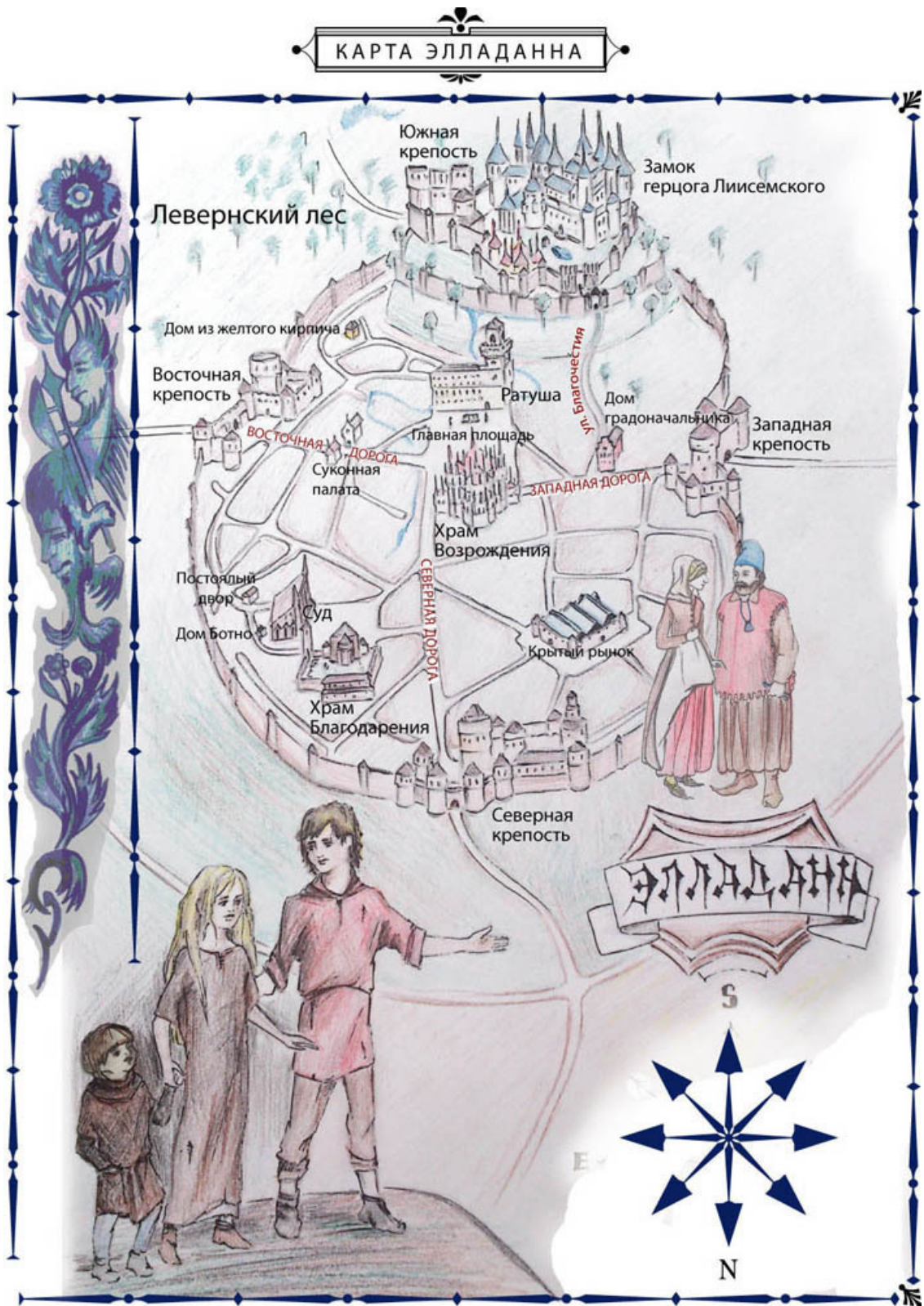
«Славный король Ортвин I сулил щедроты племяннику, новые земли и состояние, а затем приказал исполнить его волю господина. Но граф Ра́гнер Ра́ннор просто-напросто сбежал из Лодэ́нии, вероломно нарушив долг и поправ клятву, объявился в Южной Леонии́ как черный рыцарь без господина и нанялся за весьма скромную плату воевать на том южном побережье – сперва за Лаа́рснорсда́жд против королевства Ла́мнора, затем поддержал герцогов Верхней и Нижней По́дений против Ни́борда́жда, будто напрочь позабыл то, что с рыцарями из Ла́мноры и Ни́борда́жда вместе воевал на Священной войне в Сольте́ле».

«Весть о неожиданной кончине на тридцать третьем году жизни его старшего брата, Гбнтера Рáннора, заставила Рáгнера Рáннора вновь возвратиться в Лодэ́нию. И случилось это в высокосном тридцать шестом году, в последнем солнечном периоде тридцать девятого цикла лет. В годах, близких к возрасту Благодарения, Рáгнер Рáннор унаследовал земли предков, стал владетелем герцогства Тидия и вскоре женился на графине Хáмтвир. Собственное наследство да приданое супруги сделали наконец герцога Рáгнера Рáннора богатым. Тем более неожиданным случилось то, что именно тогда он заключил союз с королем Иваром IX и через четыре дня после своего венчания, прервав свадебное пиршество, отправился в новый военный поход, дабы отнять Сиренгидию для Ладикэ́ у королевства Орэнза. После такого поступка те, кто считали, что Рáгнер Рáннор воевал лишь за звонкую монету, согласились, что Лодэтскому Дьяволу больше золота и серебра нравилось только умерщвлять».

«Король Орэнзы, Эл́ла́ VIII Короткий, сын короля Эл́лы VII Победителя, не стал защищать "Край тысячи ручьев", горный кантон Сиренгидию, ведь шли последние дни тридцать девятого цикла лет. Никто не желал грешить в преддверии возможного Конца Света и умножать несчастья, никто кроме Лодэтского Дьявола. Король Ладикэ́, почитая зимнее перемирие, до начала весны воевать вовсе не думал, и даже король Лодэ́нии отрекся от своего рыцаря: так герцог Рáгнер Рáннор отправился покорять Сиренгидию под личным знаменем. Без поддержки ладикэйцев, имея всего два корабля и три сотни воинов, он без боя захватил главный город кантона, портовый Ориф, явив святотатство, ужаснувшее и Экклэ́сию, и всех верующих: угрожая начать огненный штурм в Великое Возрождение, он вынудил сиренгцев сдаться. Свой тридцать первый миг рождения и начало нынешнего сорокового цикла лет герцог Рáннор встречал во Дворце Равных, куда он в Темнейшую Ночь согнал легатов из двадцати четырех городов Сиренгидии. В страхе они без промедления согласились вернуть земли кантона под власть короля Ладикэ́. Разочарованный легкой победой, малым разбоем да едва пролитой кровью, Лодэтский Дьявол решил идти с королем Иваром IX дальше: вверх по реке Ла́ни, на юг королевства Орэнза к столице герцогства Лиисём, к городу Эл́ладанну. И с началом весны, суда из Лодэ́нии и Ладикэ́ устремились через Банэйское море к Фоййскому».

«После морского побоища вблизи главного водного пути Орэнзы, реки Ла́ни, ошеломленный мощью громового оружия, король Эл́ла́ VIII бежал с остатками войска на запад своей страны, оставив крупнейшие города вверх по течению без защиты. Спалив и разграбив в Весенние Мистерии великолепный Ребнданн, порт в устье Ла́ни, Лодэтский Дьявол направил корабли к самому грандиозному из городов Орэнзы – к неприступному Бренно́данну.

Именно там, осаждая стены Белого Короля, тридцать шесть лет назад Ивар IX Шепелявый и его отец, Ивар VIII Лысый, потерпели поражение. Тогда они отступили, оставив все ранее завоеванные северо-восточные земли. Цикл лет спустя многолюдная столица Орэнзы и ее жители вновь устремились в будущее. Кто-то в спешке покидал город, другие собирались сражаться за свой дом. Вести из разгромленного Ребнданна доходили до вольных горожан Бренно́данна воистину жуткие. И пока люди, слушая сплетни на рынках да на улицах, разрывались между желанием бежать и остаться, по широкой водной глади, по реке-кормилице Ла́ни, к Бренно́данну приближались боевые суда с головорезами, вооруженными кроме копий и арбалетов ружьями да пушками. Корабли везли на палубах метательные машины для громовых бочонков, а в трюмах порох. С северо-востока на подмогу кораблям лодэтчан подступало стотысячное полчище ладикэйских воинов. Богатейший стольный град манил их роскошью, ухоженными женщинами, своей изнеженностью, сытостью, праздностью...»



Глава I

6 день Нестяжания, 1 год, 40 цикл лет

«Прескверный день окончается не яблоком, а конфетой», – стараясь себя приободрить, вспомнила юная Маргарита Ботно поговорку дядюшки Жбля.

– Да еще этот день! И хорошее лишь одно: теперь я верно знаю, что получу уйму сластей! – с досадой вздохнула девушка, рассматривая в полумраке свои руки и невольно ими любясь.

Из всех Ботно только ей достались тонкие запястья, узкие кисти рук и длинные пальчики: безымянный был слегка длиннее указательного, а большой палец изящно сужался у основания. Дядя Жоль называл это сужение талией и шутил, что раз есть талия, то нужен пояс с кошельком. Столь утонченные руки украсили бы и без того прелестную внешность своей хозяйки, но кожа покраснела от стирки, и, вместо гордости за свои пальчики, юная красавица чувствовала смущение, когда наблюдала их при свете дня. Лишь в полумраке ее руки снова становились совершенными.

Кто видел Маргариту, сразу понимал, что ее предки – выходцы из кантона Сиренгидия, а она сама – сиренгка: из-под белого чепчика выбивались светлые с золотистым отливом прядки; когда же девушка снимала свой головной убор и расплетала косу, то волосы струились пышным потоком теплого, желтого золота с ее плеч и до конца спины. Кроме золотистых волос сиренгцев узнавали по глазам – зеленым. У Маргариты были чистые, зеленые глаза, скорее даже глазищи – такие они были большие и проникновенные. Еще их хотелось назвать добрыми и немного проказливыми. Дополняла облик северянки нежная, лилейная кожа, сильно недолюбливающая жаркое солнце Лиисема. Два брата Маргариты, старший и младший, пошли в отца, орензчанина из Бренноданна, уродились русоволосыми шатенами с карими глазами и тоже бледной, но некапризной кожей. Девушка пошла в мать.

Закончив любоваться своими руками, сидевшая в углу чердака Маргарита прислонила голову к стогу соломы, закрыла глаза и постаралась представить матушку. У девушки остались размытые, битые образы ее лица, но она хорошо помнила теплые объятия и ласковый голос, рассказывающий страшную сказку о сбежавшем блинчике, помнила успокаивающее биение ее сердца, свое обещание никогда не убежать из дома, чтобы не быть съеденной дикими зверями, и полученные за это поцелуи. Первой, однако, дом покинула мама – умерла, когда Маргарите было четыре с половиной, а малышу Филиппу не исполнилось и года. Ангелика Ботно слегла перед самым Сатурналием, промучилась в лихорадке всё это веселое празднество и на исходе двадцать четвертого дня Любви испустила дух. С тех пор Маргарита не любила Сатурналий.

«Сгибла с изнуренья – недуга бедняков», – так сказал своим детям Синоли Ботно, который последовал за супругой через два с половиной года.

Отца Маргарита помнила веселым и добрым – таким он был во хмелю, хмурым и несчастным он становился, когда трезвел. После смерти жены Синоли Ботно горько запил, потерял место в гильдии плотников Бренноданна, перестал работать и растрачивал средства за проданный дом, полностью справившись с этой задачей к Летним Мистериям и к своей внезапной смерти прямо во время уличного маскарада. Сколько девочка, а потом и девушка, не пыталась изгнать то видение из своей головы, при мысли об отце упорно всплывала неприглядная картина, когда его тело ночью принесли соседи. Они сказали, что бедняга подавился собственной рвотой.

После похорон последнего родителя, одиннадцатилетний Синоли Ботно, старший брат Маргариты, заявил, что они пойдут к дяде Жолю, в далекий город на юге, в Элладанн, потому что, когда Маргарите было два года, дядюшка приезжал в Бренноданн и стал их вторым отцом – значит, обязательно возьмет к себе своих дорогих детей сердца.

«Еще он добрый и точно набогатющий, – добавил тогда Синоли. – Мне подарил нож для еды, а тебе цепочку из речной перлы. Ну да, дары уже куда-то делись, но я ихние описанья ему скажу. Он и Филиппа заделает своим сердешным дитём. Чего ему, жалкое?»

Подросток, семилетняя отроковица и трехлетний мальчик отправились из Бренноданны в долгий путь, не зная ничего о доме дяди и имея смутное представление о внешности своего второго отца. Необъяснимым чудом все трое остались живы, не потеряли друг друга и с помощью странствующих лицедеев добрались до Элладанны к празднеству Перерождения Земли. На самом большом северо-западном рынке дети едва принялись расспрашивать о Жоле Ботно, когда подобные им малолетние оборванцы прогнали новоприбывших «попрошаек» на другой рынок, к храму Благодарения, а там (вот удача!) все разносчики знали их дядюшку, жившего рядом и торговавшего в съестной лавке. Голодная троица в грязных лохмотьях возникла на пороге перед тощей теткой Клементиной и невысоким толстяком с округлой бородкой на добродушном лице – это и был их дядя. Жоль Ботно, правда, сначала нервозно поглядывал на чистоплотную до помешательства жену и едва не закрыл перед незваными гостями дверь, но Синоли был красноречив, Маргарита заревела, а Филипп поддержал сестру зычным воем, – так их не выставили вон. Дядя Жоль завел детей в кухню и заявил супруге, что он не вполне уверен, но двое и впрямь как будто бы его сердешные дети – и из этого следует, что их надо оставить у себя и помочь им вырасти «добродельными людьми». Тетка тогда кричала, что он, Жоль Ботно, теперь уж точно разорится и пустит их по миру. Синоли, Маргарита и малыш Филипп всё слышали, но не отвлекались от подгоревшей ячменной каши, какую скупая тетка не решилась выбросить. Изголодавшиеся за восьмиду дети гребли ее из горшочка руками и, не пережевывая, глотали. В какой-то момент Маргарита опомнилась, огляделась и увидела модно одетого, опрятного юношу тринадцати-четырнадцати лет, стоявшего в дверях кухни и едва сдерживавшего смех, глядя на то, как они лопают кашу, отпихивая друг друга от горшочка.

«Матушка удумала отнесть помои поросям на рынку, но порося сами подспели», – улыбаясь и глядя Маргарите в глаза, сказал тогда ее сужэн Оливи, а затем, посмеиваясь, удалился вглубь чистенького, уютного дома.

Маргарита, в свою очередь, подумала, что никогда и ни за что не выйдет за этого грубияна замуж, пусть и слово «сужэн» произошло от «суженый». Когда она стала взрослой, то есть достигла семи лет, ей рассказали о духовных законах Меридеи, общих для всех королевств, поскольку их установила Экклесия. Духовный закон позволял венчаться двоюродной родне, и такие супружества считались полезными для сохранения дела внутри семьи; если же невеста и жених происходили из разных семей, то родня объединялась, – так, сестра мужа становилась сестрой по мужу, мать мужа – матерью по мужу, брат жены брата – братом по жене брата или просто братом, а с братом уже венчаться было нельзя. Двоюродные братья звали друг друга «двэнами», сестры – «двэньями», троюродные братья и сестры были «тризами». Четвероюродного родства и более в семье не существовало.

Спустя годы повзрослевшая Маргарита усмехалась, вспоминая, как она боялась, что ее выдадут замуж за Оливи. Но семилетней оборванке было не до смеха: ее опрятный сужэн обзывался и доводил девочку до слез в течение шести дней. Затем ироничная судьба распорядилась так, что Оливи уехал в Бренноданны, – он достиг тринадцати с половиной лет, возраста Послушания, и отправился учиться в Университет на законника. В свои шестнадцать лет Оливи Ботно устроился писарем к нотариусу и стал зарабатывать сотню серебряных регнов в триаду, а к девятнадцати с половиной годам, после окончания Университета, уже имел по тысяче за пятнадцать дней! С тех самых пор, как Оливи уехал в столицу Орезы, он за шесть с половиной лет ни разу не побывал дома. Когда от него приходило письмо, то у Ботно случался торжественный обед, после чего дядя Жоль надевал смешные круглые очки без дужек и медленно, сбивчиво, пытаясь разобрать слова и понять их смысл, читал домочадцам вести от сына. Оливи писал родителям на меридианском, языке образованных людей. Маргарита и

Синоли писали и читали по-орензски, но они считались безграмотными. Тетка Клементина тоже была безграмотна. Пока ее муж читал письмо, она нервничала, теребила салфетку, то и дело уточняя: не перепутал ли он опять чего-нибудь. В какой-то момент добряк Жоль Ботно вспыхивал, кричал супруге, что пусть, наконец, сама выучит меридианский и оставит его в покое, после возмущался, что Оливи снова пренебрег его настойчивой просьбой писать по-орензски и что пора бы их «модностольному сынку» хоть раз навестить родителей в их «дремучем захолустье», вместо того чтобы в каждом письме так обзывать «Богоблагословлённый Элладанн». В окончании своей тирады он выдыхал, выпивал махом целую кружку пива, принесенную испуганной женой, и продолжал читать.

Таким образом, жизнь у Оливи в Бренноданне сложилась удачно, а сиротки нашли новый дом во втором крупном городе Орензы, в столице герцогства Лиисем, в Элладанне.

Шесть с половиной лет назад, ворча и проклиная свою планиду, тетка Клементина согласилась оставить племянников, если те будут помогать ей по хозяйству. Во дворе дома Ботно имелся колодец, и в засушливую пору семья продавала воду (по медяку за ведро). Так что на лето Синоли превращался в водоноса, а в остальное время он помогал дяде в лавке. Везунчик-Филипп оказался слишком мал для труда, да власти до наступления отрочества не требовали за него уплаты податей: он играл до семи лет, как и положено детям, затем дядя Жоль арендовал для своего третьего сердешного ребенка учебник меридианского языка – и нынче этот симпатичный мальчик днем заучивал тексты, чтобы вечером продекламировать их наизусть. За свои старания он получал сласти от дяди и умиленные взгляды от нещедрой на нежности Клементины Ботно. Маргарита выполняла грязную работу по дому, и на это у ее тетки нашлись две причины. Первая: тетка больше не могла «тягать на себе всей этой свет», так как вынужденно воспитывала Филиппа. Вторая: Маргарита родилась в полнолуние, значит, имела целых три Порока, самых ужасных, по мнению тетки, из восьми возможных – Лениность, Любодееяние и Уныние, – вот тетка изо всех сил и помогала Маргарите спасти душу, не позволяя ей лениться. Бесполезно девочка твердила, что родилась в лунное затмение, при яркочерной луне, и что, как сказал священник, ее порочные склонности из-за этого ослабились, а единственная Добродетель, Нестяжание, усилилась солнцем. Тетка, слыша про красную луну, крестилась и требовала, чтобы маленькая грешница перестала ей врать, а ленью к добродетели не испытывала терпения Бога. Руки девочки, столь совершенные от природы, тогда и покрылись налетом из царапин и красноты.

Гумор Клементине Ботно достался сухой и холодный, в самой высшей точке холода, ведь она родилась в новолуние, – это означало, что ее переполняла черная желчь – гуморальный сок, ввергающий человека в мрачное восприятие мира. Избыток черной желчи причудливо смешался со страстностью теткинго нрава, присущего ее плоти из-за рождения в восьмиде Кротости, – она то супилась, то начинала орать по малейшему поводу, раздавая подзатыльники или шлепки, после чего сама выматывалась от своего крика и любила посидеть с рукоделием в тишине. Нагружая свою племянницу работой, эта невысокая, сухонькая женщина бегала, как муравей, по дому и находила уйму дел для себя: она или выбивала тюфяки, или меняла солому в подушках, или по четыре раза за восьмиду разбирала рухлядь на чердаке в поисках «нерухлядэй». При этом, редко покидая дом, она знала все сплетни в округе. Маргарита старалась угодить тетке и понравиться, однако уж больно разные были эта черствая сердцем женщина и мечтательная девочка, поэтому душевной близости между ними не возникало. Как благочестивой меридианке, Клементине Ботно самой не хотелось бы кричать и давать ей затычек, но Маргарита будто нарочно притягивала к себе беды – как большие, так и малые: редко какой день обходился без происшествий, в которых она была не виновата, вот только почему-то они случались именно с ней. Гневило тетку Клементину и то, что маленькая Маргарита всё воображала игрой, несерьезно относилась к порядку и могла увлечься чем-нибудь другим во время труда, как например: она однажды, забыв про наполовину отмытый от при-

гара горшок, убежала с подружкой на улицу, вследствие чего обед перенесся, ведь тетка обнаружила, что ей не в чем готовить. Тогда все Ботно, вынужденные кушать в час Воздержания и приближать Конец Света, укоризненно смотрели на «баловную девчонку», а она хлопала глазами и оправдывалась тем, что не услышала часового колокола из-за шума кузнечного квартала, – вот они и заигрались с Беати. Частенько, выгораживая себя, Маргарита бесхитростно лгала. Не прошла у нее эта пагубная склонность к лукавству, развлечениям и легкомыслию в работе, даже к юности. Любила Маргарита и лениться, и много спать, и очень любила сладости. Довершением ее недостатков стала любознательность, из-за которой девочка брала в руки то, что ей запрещали трогать, лезла туда, куда не стоило, и нечаянно причиняла новый и новый урон семье, рано или поздно ломая всё, с чем играла. Ее горячее желание приносить пользу тоже нередко оборачивалось бедой. Дядюшка Жоль до сих пор не мог забыть, как он весь дом обрыл в поисках своих очков, – и в результате их выудили из кувшина с неожиданно прокисшими сливками: добрая девочка хотела, чтобы они посветлели, ведь тетка мазала с этой же целью сливками лицо. Медная оправка еще сильнее пошла пятнами, семья осталась на полгода без масла, а Маргарита искренне недоумевала: как же так вышло. Словом, «девчонка виляла от лени» и «истёрзывала пакостями» Клементину Ботно. Но тетка Маргариты не сдалась да лет за пять, заставляя свою нерадивую племянницу заново чистить утварь, выметать как следует сор из углов или по третьему разу натирать половицы, наконец «приучила ее к чистоте». Ровно полгода назад, после того как Маргарита достигла возраста Послушания, Клементина Ботно вменила ей в обязанность «выручку»: выручать семью и вместо нее, тетки, стирать каждый день, в любую погоду, простыни из постоянного двора. А погода как раз тогда испортилась, и началась холодная, дождливая пора.

Из-за этих простыней в шестой день восьмиды Нестяжания и вышел скандал. Хозяйка постоянного двора, найдя дыру в простыне, обвинила в порче прачку, то есть Маргариту. Сварливая Мамаша Агна появилась после полудня у зеленого дома Ботно, вереща и требуя денег. Как не лебезила перед ней тетка Клементина и как не отпиралась Маргарита, из опасения потерять надежный доход Клементине Ботно пришлось раскошелиться, чего она, рожденная с единственным Пороком, Сребролюбием, ненавидела делать. После ухода неопрятной Мамаши Агны, тетка попыталась настегать племянницу той самой простыней. Это вышло ничуть не больно, но, плача от обиды, Маргарита забралась на чердак, подняла за собой приставную лесенку, спряталась за ящиками у стога соломы и теперь боялась спускаться вниз.

Досаднее всего юной красавице было то, что шестой день восьмиды Нестяжания являлся днем ее рождения. На первом году, сорокового цикла лет, ей исполнялось четырнадцать, и по закону Орензы она становилась невестой. В такой день девушке-невесте дарили дорогие подарки, вечером богато накрывали стол и приглашали гостей, а для аристократок устраивали балы – первые в жизни балы. Маргарита всего этого не ждала: в семье Ботно день рождения не был поводом для застолья, ценные подарки она уже получила к возрасту Послушания, гостей жадная тетка никогда не собрала бы, но из-за того что почти никто не вспомнил о столь важном событии, девушка вконец опечалилась. Филипп после намеков сестры сказал, чтобы она не отвлекала его от грамоты. Старший брат, Синоли, пропал в лавке, куда Маргарите не без причины запрещали заходить в отсутствие дяди. Сам дядя с дедом Гибихом спозаранку отправился на телеге к двум другим рынкам города искать что-нибудь интересное для маринования. Вспомнила о дне рождения племянницы только тетка Клементина, и то, когда кричала на нее. Звучало это так:

«Даже не намечтывай себе сегодня про дары! Одни бедствия от тебя!» – вопила тетка и стегала стены собственного дома, пытаясь достать до юркой девушки плетью из злосчастной простыни.

Маргарита вздыхала от огорчения, сидя в полумраке чердака. Ее подарком в этот день были сладости, какие она сама набирала по одной штуке в лавке, – и всегда выходило не менее

тридцати шести лакомств. Да и посещать лавку, где всё ей казалось сказочным, непонятым и безумно любопытным, девушка очень любила. Там вдоль стен свисали колбасы, нарядные гирлянды круглых сухарей и аппетитные гроздья вяленых плодов. На темной полке белели сыры, в бочонках мокли три вида яблок. Затаив дыхание Маргарита приоткрывала крышки горшков на длинном прилавке, обнаруживая то сладкие оливки, то маринованные апельсины, то квашенные сливы. И, конечно, ее всегда пугала большая, стеклянная бутылка – в ней, среди горчичного рассола, плавали страшноватые птичьи яйца, похожие на человечьи глаза.

Дядя Жоль гордо хвастал, что он хоть раз замариновал и засахарил всё, что годилось в пищу. Он засаливал фрукты, а в сладком сиропе томил овощи. Выходило вкусно, но вид чеснока среди персиков или порея в меду ужасал посетителей лавки. Торговал Жоль Ботно и сластями, и аптечным товаром, таким как сахар или приправы – подобные ценности хранились в закрытом на ключ шкафчике у прилавка. На шкафчике же нарядно толпились разноцветные наливки в округлых, длинношеих склянках. Только из-за этой крепкой и сладкой выпивки лавка еще не разорилась: как верное средство против желудочных хворей ее охотно брали в дорогу постояльцы Мамаши Агны да жены ремесленников, жившие по соседству. Недооцененным оставался лишь горьковатый зубной эликсир Жоля Ботно – настоящее на травах куренное вино. Сладкоежки Маргарита и Филипп никогда не имели забот с зубами, используя кисть из свиной щетины, меловой порошок по вечерам, угольный по утрам и, конечно, полоща рот этим эликсиром. Впрочем, бедняки баловали себя сахаром нечасто, крайне редко страдали от зубной боли, и гнилые зубы, означающие недостаток, у иных бедолаг даже вызывали зависть.

Парадной стороной дом семьи Ботно и съестная лавка в пристройке выходили на грязный проезд, с двух сторон облепленный двухэтажными каркасными домишками. Проезд брал начало от рыночной площади возле старинного храма Благодарения, после огибал с обратной стороны здание мирского суда и оканчивался напротив постоянного двора Мамаши Агны. Отличалась эта проезжая улочка тем, что не имела названия. Обычно ремесленники предпочитали селиться рядышком, например, на Бондарной улице, где все делали бочки, или в квартале Плотников. Постоялый двор как раз разместился в конце шумного квартала Кузнецов (и оружейников, и чеканщиков, и цепочников, и много кого еще). Кустари объединялись в братства по ремеслу, в гильдии, после чего ревностно следили за тем, чтобы в городе не объявились соперники. Лавку того, кто им мешал и кого они не приняли в свои ряды, «братья» могли попросту сжечь, несмотря на то, что поджог был наитяжким преступлением. Дельцы с годовым доходом от десяти золотых монет платили лишней золотой управе, зато закон относил их к торговому люду и позволял им свободно торговать, но даже они старались не переходить дорогу братствам по ремеслу. Три старейшины сочиняли устав гильдии, собирали мировой (примирительный) суд, определяли размер торгового сбора и взимали все подати, они же избирали главу гильдии из числа наиболее богатых ремесленников – тот входил в патрициат города и писал торговые законы. Деньги из казны братства тратились на содержание святого дома, на проведение ритуалов, на различную помощь. Вступивший в гильдию получал защиту, вольности (льготы), уверенность в будущем. Дядюшка Жоль пытался войти в гильдию аптекарей, но не смог получить разрешения Экклесии на торговлю болеутоляющими опиатами. Важному священнику из храма Возрождения не понравились товары лавки и ее расположение.

«Священный цветок требует почтительности, – заявил тот. – Его нельзя продавать среди сыра, бедности и бранных слов».

Так дядюшка Жоль остался торговцем различным товаром и уплачивал сбор даже меньший, как если бы торговал настойками с соком мака, был вынужден брать снедь у гильдий, видоизменяя ее, но из-за аптечного товара боялся, что его лавку однажды сожгут. Однако аптекари в нем соперника не признали, и лавка потихоньку жила на улочке отверженных гильдиями ремесленников, на улочке, где можно было справить башмаки, а не ходить в квартал Сапожников, здесь же купить горшки и заказать любую нужную вещицу. Горожане, недоволь-

ные выбором, редко совали сюда нос, поэтому для лавочников постоянный двор Мамаши Агны стал местом поклонения не меньшим, чем храм Благодарения на другой стороне Безымянного проезда: Агна направляла к ним покупателей – незадачливые кустари пропивали заработанное в ее трактире.

Невеселые мысли Маргариты прервал шум – чердачную дверцу в полу приподняла русоволосая голова Филиппа.

– Так и знал, что ты тут, – сказал десятилетний подросток, подтягиваясь на руках, карабкаясь и забираясь на чердак без лестницы. – Ну чё ты? – спросил он, проходя к сестре за ящики и присаживаясь на корточки напротив нее. – Тетка уж не бушует. Эт она послала меня сыскать тебя. Сказала, что ты можешь ходить в лавку, токо ни с чем там не играть, чтоб не вышло как в тот раз.

«Тот раз» – это когда восьмилетняя Маргарита рассыпала мешочек с дорогушим черным перцем и, чихая, разбила большую и тоже дорогую бутылку, полную замаринованных яиц. К пущему несчастью, именно в тот момент в лавку зашли два услужника, распрекрасный щеголь и супруга канцлера Лиисема – четырнадцатилетняя графиня О́на́ра Помбоннт, самая обворожительная из всех именитых дам Элладанна. Один Бог знает, как синеглазую изнеженную красавицу занесло в тот день в грязный квартал и зачем она заглянула в съестную лавку. Аристократка увидела на полу хаос из стекла, маринада и яиц, непрестанно чихавшую девчонку и по-бабьи причитавшего толстяка, от горя стискивавшего свой жесткий, синий, округлый колпак. Дядюшка Жоль низко поклонился знатной даме, нахлобучил колпак, желая скрыть лоснящуюся розовую лысину с нелепым клоком волос на лбу, и растекся в улыбке. Вот только он не успел толком расправить свой головной убор и в скособоченной шляпе стал выглядеть настолько комично, что графиня звонко рассмеялась. За ней захохотали и услужники, и красавец-барон Арлот Иберннák, сопровождавший графиню. Внезапно знатная девушка тоже чихнула – да так громко, что посрамила бы портового возчика. Она принялась доставать платок из кошелька, когда снова чихнула, слабее, чем ранее, но смущающий слух звук донесся будто бы из-под ее юбки – О́на́ра Помононт устремилась прочь, ее свита последовала за ней, переглядываясь и поднимая брови.

На следующее утро дядюшке Жолю принесли взыскание за грязь в лавке в десять золотых монет! Обучение Оливи стоило золотой в год, а на оставшийся альдриан вся семья Ботно год питалась, одевалась и посещала храм по благодарениям. Из той же одной золотой монеты, равной тысяче серебряных регнов, платились подати и сборы. Ботно пришлось заложить дом, выгрести все сбережения, продать украшения, специи из лавки, ценную утварь и любимую стеклянную вазу для пирожных тетки Клементины, доставшуюся ей от покойной бабки. И даже тогда они не набирали необходимой суммы. Гордость дома – угловой буфет, находился под угрозой сбыта за бесценюк. Тетка Клементина орала, что если бы была возможность продать Маргариту, то она загнала бы ее за самую мелкую орензскую монету – за медный регн, да никто и столько не предлагал за «трехлóкотную разбойницу». Она требовала от мужа избавиться от девчонки, отдать ее в приют или просто выгнать на улицу – сделать бродяжкой без рода и прав. Тогда девочка впервые услышала от тетки, что она, Маргарита, преступнорожденная, что она, вообще, никто для своего дяди и что он заботится о ней потому, что много лет назад, похоже, положил глаз на ее мать, а тетка Клементина не удивится, если однажды найдет «пúтаницу» на дядином ложе. Восьмилетняя Маргарита, уже год как взрослая, ничего не поняла ни про глаз, ни про ложе, ни про похлебку-путаницу. К большей злости Клементины Ботно, напуганная девочка с тех пор ревела и отказывалась убирать хозяйскую спальню – боялась даже заходить туда из опасения, что тетка прогонит ее, заявив, что нашла похлебку на тюфяке. Недавние воспоминания, как на пути в Элладанн она с братьями ночевала на улице, питалась травой и боялась всех вокруг (особенно тех странствующих актеров, которые помогли им попасть

в город), мучили Маргариту по ночам, не давая заснуть, ведь бродяг, не платящих податей, закон не защищал – их мог калечить или убить любой. Из-за этого, подражая ремесленникам, бродяги объединялись в банды и редко когда ходили поодиночке. Городские стражники то не замечали нищих, позволяя им просить милостыню в дневной час Нестяжания, то хватали их просто так, чтобы повесить на Главной площади.

Недостающую золотую монету одолжил кузнец Нинно Граддák, чья сестра Беáти, несмотря на разницу с Маргаритой в год, стала ее лучшей и единственной подругой. Нинно отдал наследство отца, тоже кузнеца, и не торопился с возвратом долга. Дядя Жоль успокоил Маргариту – сказал, что не сдаст свою сердешную дочку в приют и не прогонит ее в бродяжки, вот только ей придется сильнее стараться, чтобы умиловить рассерженную Клементину Ботно. Но как бы ни усердствовала в дальнейшем Маргарита, натирая кухонную утварь, и сколько бы ни трудилась по дому, из-за утраты зеленой вазы тетка больше не дарила ей ни улыбки, ни доброго взгляда.

Вот потому, услышав то, что ей можно пойти в лавку, Маргарита удивилась и недоверчиво посмотрела на брата.

– Клянущся, – сказал он и улыбнулся, скорчив «очаровательное личико», за какое Филиппу всегда прощались шалости. – Да, тута еще... С народженьем, сестричка! – выпалил подросток и быстро чмокнул Маргариту в щеку.

– Ты забыл... – обиженно пробурчала Маргарита, но немного улыбнулась. – Кабы бы не вопли тетки Клементины, ты бы и не вспомнился.

– Спомнился! – уверенно заявил Филипп, прищуривая карие глаза. – К вечеру точно бы. Я ведь дар тебе сготовил. Триаааду старался!

– Ну же, задаривай же! – сразу повеселела девушка.

Филипп встал как поэт: вытянул голову, выставил еще выше пустую ладонь и, таинственно глядя в нее, с выражением стал читать длинный стих. К сожалению, он говорил по-меридиански, и Маргарита ничего не поняла, но ей понравилось, как тонко сочетались звуки, как они мелодично перекатывались леденцом у брата во рту.

– Красиво, – вздохнула она. – И про чего там?

– Что принц с высокой и чистой душой, знатнее и крашее какового свет не свидывал и кто мог бы бытаться примерум для всякого из мужчин, свезет тебя женою в свою страну, дальдалёко от тетки Клементины.

– Вновь врешь, – рассмеялась Маргарита, а Филипп опять сузил глаза. – Ты вечно шуришься, когда лукавишь... Вот сама как возьму и поучу меридианский – и тогда ты не отделеаешься от меня детячей басней про свадьбу лисицы.

– Ничё не вру, – обиделся ее брат. – Я склал эту гимну тебе, старааался... И ах! – твой жених прикатится на белом коню, каковских можно лишь королям и коронапринцам, затем что после он сам будется королем!

– Ну раз так, то я всё же везучая, – улыбалась Маргарита. – Спасибо, братик. Вот бы твоя гимна хоть чуточку сбылась...

Она поднялась, обняла Филиппа, который еще не перерос ее плеч и поэтому казался ей малышом.

– Не обижайся, – поцеловала его в щеку девушка и направилась к квадратному лазу в полу. Ты меня небось, Филли, большёе и не увидишь, – плаксиво говорила она, опуская вниз лесенку, – тетка или удавится из-за этих десяти регнов, или меня придушит, покудова дяди нету.

Тетка Клементина выпрыгнула из-за угла и схватила племянницу за руку повыше локтя, когда та еще спускалась с чердака. Эта маленькая, тощая женщина стискивала ладонь хваткой

палача, и Маргарита попробовала вырваться просто так, прекрасно понимая тщетность своего сопротивления.

– Да стойся же ты! – прикрикнула на нее тетка Клементина. – Там к тебе подружка пришла. Ждет в лавке. Поди тудова и ничто там не тронь, покудова дядя не воротился. Да, еще возьми ведро с тряпкою: натри там полов, а то Беати небось нанесла золы. Скупит на медяк, а ты чисти за ею... – ворчала она, грубо отталкивая от себя племянницу.

Красивая, смуглая Беати действительно находилась в сказочном и запретном для Маргариты месте. Равнодушная к диковинам съестной лавки, она весело болтала о чем-то с Синоли, трогая его за рукав. Маргарита не видела их лиц, но спина брата казалась и смущенной, и воодушевленной одновременно.

«Не знаю, что значит братово имя, но Беати – это "счастливая". Беати сама веселая и всех вокруг делает радостными... Синоли и Беати... А они вместе еще краше: загорелая, яркая южанка и светлокожий, русоволосый Синоли. Хоть бы они сженились – тогда Беати былась бы мне сестрою...» – подумала Маргарита и, обращая на себя внимание, громко опустила деревянное ведро на пол.

– Грйти! – воскликнула Беати и подпорхнула к подруге.

Сестра Нинно отличалась очень высоким ростом для женщины: она оказывалась на голову выше почти всех местных лавочников. Маргарита так вообще рядом с ней выглядела девчонкой. Женственную фигуру Беати, ее дерзко приподнятую грудь и тонюсенькую талию, подчеркивал узкий пояс платья, а юбка смуглянки всегда была чуть короче, чем у остальных дам.

«Это всё зола от кузни брата, – объясняла она тем, кто видел ее впервые. – Так и липнет, проклятая, к подола́м».

Недостающая длина в два пальца выше щиколотки дурманила мужские рассудки. Если бы не Нинно, которого все в округе побаивались, Беати не знала бы покоя из-за «докучных докучал». К красавице заранее сватались, едва ей исполнилось двенадцать, но она от всех ухажеров воротила нос. Когда в прошлом году Беати стала невестой, то в дом кузнеца повалили женихи, да вот пускали их не дальше порога. Поэтому Синоли, подмечая несомненное расположение чаровницы, терял голову, не верил своему счастью и благодарил Бога за то, что уродился на полпальца выше этой горячей южанки и тем самым привлек ее. Еще Синоли был уверен, что красота его собственных ног сыграла не последнюю роль. Пока женщины Меридеи, как и циклы лет до этого, носили целомудренные длинные юбки, мужчины еще с тридцать шестого цикла лет гордо выставляли напоказ ноги в узких штанах из раскроенного по косой сукна. Даже землеробы носили предтечи штанов – подвязываемые к поясу чулки. Поэты воспевали красоту мужских, особенно рыцарских, ног; художники с удовольствием их изображали. Дабы ноги казались длиннее, модники выбирали обувь с острыми носами-иглами. Гульффик еще прятал под камзолами, но всё чаще щеголи подчеркивали свое детородное достоинство. Так как нынешняя мода восхваляла плодородие, а наряды аристократов уподоблялись образам зверей и птиц, то с началом сорокового цикла лет идеалом мужской красоты перестал быть «чистый юноша», и вчерашние красавцы увеличивали выпуклость в промежности подкладками, выделяли гульффик ярким цветом или украшали его броской вышивкой.

Среди лавочников, далеких от щегольства, эта новая мода на выпячивание гульффика, «срамного лоскута», тоже считалась срамной. Маргарита, имея некое понимание о различии полов и повинувшись неосознанным чувствам, разделяла это мнение. Синоли тоже его придерживался и всегда носил длинную рубаху, но свои стройные, ровные ноги в узких зеленых штанах нарочно старался выставить в выгодном положении. Еще старший брат Маргариты утверждал, что, хотя он не рыцарь, из-за работы водоносом заполучил эти самые «рыцарские ноги». На безымянную улочку рыцари не заглядывали, поэтому соседи, да и Маргарита, верили Синоли, искренне восторгаясь красотой его ног.

Вот и сейчас, пока Беати приветствовала подругу, Синоли облокотился на прилавок и изящно вывернул свои ступни в грубых башмаках, подкованных деревянными плашками, чтобы смуглая красавица, обернувшись, восхитилась его неотразимостью.

– Грйти, – повторила Беати, называя подругу уменьшительным именем. – Да как можно работать в этот день?! Не благо!

– «Не благое – замуж не выйти», как тетка сказала, – вздохнула Маргарита, обнимая Беати. – И еще: «Лентяйка – хуже бесприданной невесты»...

– Ой, тогда пожелаю-ка я тебе наискорейшего замужничества... – улыбнулась Беати.

Она подтянула вверх шнурок поясного ремня, на каком болтался кошелек, достала пла-точек и развернула его – на ее ладони заблестело колечко. Синоли, вспомнив о дне рождения сестры, звонко шлепнул себя по лбу.

– Вот, это дар от меня и братца, – сказала Беати, передавая кольцо и снова обнимая подругу. – Нинно сам его смастерил. Это жуть чистое серебро! Глянь, как оно ярчает!

Кольцо подошло к безымянному пальцу правой руки. Маргарита залюбовалась его изящными линиями, тем, как оно смотрится, как блестит и украшает ее пальчики. В своей страшноватой кузне, избе из почерневших, сложенных с зазором бревен, Нинно ковал грубые, прочные вещи: подковы, детали для телег и топоры. И вдруг такое утонченное творение с рисунком из ирисов – цветов красоты, чистоты и силы. Ирисы еще называли «лилия-меч», поскольку, прежде чем раскрыться, они напоминали клинок этого благородного оружия. Хотел ли вложить кузнец некий смысл в свой подарок или нет, Маргарита даже не подумала гадать: она лишь разглядывала колечко и едва верила, что ручищи Нинно могли создать это чудо.

– Жалко, но я не могу его взять, – печально проговорила Маргарита. – Тетка воспрещает брать ценные дары от чужих, тем более от мужчин, а серебряники выставили бы это колечко не меньшее чем за двадцать регнов.

– Бери много вышнее, – засмеялась Беати. – Брат брал у одного из ихних инструменты, и когда тот колечко увидал, сулил сотню! А продал бы его и того дороже: за сто пятьдесят регнов!

– Тогда точно не возьму, – принялась снимать кольцо с пальца Маргарита, но Беати ее остановила и замотала головой.

– Ты чё! Нинно разобидится: он с триаду корпел! Вот сама ему и вороти, а мне уж пора. Еще раз здравляю! Крепко целую! – чмокнула она подругу в обе щеки. – Не забудь ночью нагадать желанье!

– Беати, я провожу тебя, – подал голос Синоли. – Погоди с мушку на улице.

– Тебе же нельзя бросать лавку, – строго сказала Маргарита, когда высокая, но легкая Беати упорхнула за дверь.

– Да ну... – отмахнулся Синоли и плотно закрыл нижние ставни у прилавка, погрузив комнатку в полумрак. – Ничто за три минуты не будется – я мухой. Ну как Беати одной гуливать в ее наикоротющей юбке?! Слухай, сестренка, – вздохнул он, – прости... я вроде забыл и не наготовил тебе дар. Но он у меня будет – наибольшущее торжество в честь нарощенья у нашего герцога дочери! В благодаренье пойдем на Главную площадь, поглазеем на казни под музыку. Герцог наверняка тоже слово скажет. Я слышал, там уже ложат помост с навесом. Просто так таковские помосты не ложат... Хочешь глянуть вблизи на герцога Альдриана Красивого?

– Очень хочу! Но... вряд ли меня выпустят. Тетка думает, что я простыню Агне спортила, и будет восьмиду злобствовать, что поистратилась.

– Ну ты – эт ты! – обнял ее Синоли. – Ни дня с тобою без беды! Ну, я побег... Скор буду! Ничё не трогай и не облизывай сласти, а то мне влетит, – добавил он, выходя за дверь. – И не побей ничё! – донеслось уже с улицы.

Синоли помогал дяде тем, что зазывал из широкого окна в лавку прохожих, и, благодаря привлекательной внешности, словоохотливости да умению шутить, он хорошо с этим справлялся. Закрытые ставни говорили горожанам, что лавка не работает, поэтому Маргарита не

опасалась, что кто-нибудь зайдет. Она посмотрела в тот угол, что манил ее сильнее всего, – там, на полках, ласкали взор сладости в коробочках, похожие на самоцветы в шкатулках: орешки в карамели, сушеная вишня, цукаты, миндальная халва, всевозможные конфеты, пастилки из кореньев, анисовые леденцы, разноцветное драже, – чего там только не было! Виднелись и какие-то новые придумки ее затейливого дядюшки. В день рождения Маргарита, уединившись в своей спальне, за раз уминала дарованное «сокровище», а потом засыпала с тошнотой от сахара и меда, но с блаженной улыбкой. И затем ждала еще год этого радостного дня.

Девушка отщипнула маленький кусочек халвы, далее еще один, но после заставила себя остановиться. Она глянула на ведро, протяжно вздохнула и перевела свой взгляд в угол напротив прилавка – на напольные часы, к каким ей тоже запрещали приближаться. Подумав, Маргарита несмело подкралась к этому громоздкому устройству, на колонне-ноге и с солидной подставкой. Часы изображали здоровый, как ящик, грубо выточенный из дерева и аляповато раскрашенный рыцарский замок с четырьмя башенками, балкончиком в вышине и единственными дверцами за ним. Под замком висели две гири, сверху росла шатром пирамида из четырех металлических скоб с колоколом внутри и молоточком сбоку, а под балкончиком разместился двойной круглый циферблат – и солнечный календарь, и часы в его центре. Маргарита приложила глаз к оконцу замка и убедилась, что внутри по-прежнему вертятся непонятные ей зубчатые круги. Она перевела взгляд на маленький циферблат часов, огорчаясь, что он двигается влево очень медленно. Вот в храме Благодарения красочный сатурномер (солнечно-лунный календарь) располагал и часовым, и минутным диском, и еще шестью другими. Слушая песнопения в храме, ей нравилось смотреть, как два диска, часовой и минутный, одновременно перемещались влево, отмеряя время службы в семьдесят две минуты или три триады часа.

А здесь, в лавке, механизм внутри рыцарского замка крутил единственный часовой диск – дневные деления на календаре приходилось подвигать к северной стреле меридианского креста вручную, тем не менее столь важная для верующего вещь являлась чрезвычайной ценностью. Поначалу «замок» даже установили в гостиной, где он пробыл до первой полуночи, до того как все в зеленом доме подпрыгнули на своих постелях из-за непонятного звона. Когда Маргарита, одевшись, вышла из спальни, ее дядя под ворчание супруги уже выволакивал часы из гостиной.

– Год делится на восемь частей – восьмид, по числу Добродетелей и Пороков, – сказала вслух Маргарита. – И день поделен на восемь часов от полуночи и на восемь часов от полудня. Восьмида года и час дня еще делятся на три части – на триады. Есть триада часу и триада восьмиды, но триаду восьмиды всегда зовут просто «триада» без уточнений. Всякая восьмида года начинается с календы, первого дня первой триады. Вторая и третья триады начинаются с дня, каковой звать «нова». Все триады окончат благодаренье, а ихняя середина – это медиана. Прочие дни в триадах именуют в честь планет. Сегодня день сатурна... – улыбнулась Маргарита. – Мой день нарощения – это первый день сатурна первой триады Нестяжания, завтра же ступит день солнца, день перед медианой. В медианы тоже надо бы бывать в храме, как и в благодаренья, но мы по медианам остаемся в дому, ведь и за службу надо уплбчивать, и после жертвовать, а тетка Клементина жадная...

Она замолчала и прикинула, сколько же тетка будет вспоминать порванную простыню. В прошлый раз Маргариту в наказание не взяли в храм, оставив ее молиться дома, поскольку службы по благодареньям с песнопениями хористов под чудесную музыку были главным развлечением для небогатых жителей континента Меридея.

– Вокруг нашей планеты Гео сперва крутится Солнце, затем второй идет Луна, – продолжила разговаривать сама с собой перед часами Маргарита. – Неправедной жизнью мы близим Солнце и Луну, а праведной – нет. Светила, хоть и ходят цельный год по-разному, в конце всякого года едва расходятся, а мы все едва не гибнем. Если мы, верующие меридианцы, все вместе будем стараться не грешить Пороками по календарю и часам, то навлияем на ходы све-

тил: они разойдутся, ступит новый год и мир спасется от гибели, – это и есть наша меридианская вера. И, конечно, со своими Пороками, данными нашей плоти при рождении, нам тоже нужно бороться, иначе наши души падут с Небес в адские ровы наказаний! Итак, сперва солнечный календарь. Год начинается с восьмиды Веры – это первая людская Добродетель, а ее противоположность – это последний человеческий Порок – Уныние. Всю восьмиду Веры надо столь велико верить в Бога, что при молитве плакать от счастья блаженным плачем. Уж что-то, а плакать я могу... Лучшее меня после начала года никто не плачет! В Великое Возрождение я на всякий случай еще день старалась – всё плакала и плакала... И благодарила за это Бога, конечно... Восьмида Веры оканчивается празднеством Перерождения Воздуха, после чего – весна и восьмида Смирения. В эту восьмиду надо бороться с Тщеславием. В конце восьмиды Смирения празднуют Весенние Мистерии. Сейчас уже шесть дней, как пошла вторая весенняя восьмида – восьмида Нестяжания, а ее Порок – это Сребролюбие. После нынешней восьмиды нас ждет празднество Перерождения Воды, и ступит лето. Первая летняя восьмида – восьмида Кротости, ее Порок – это Гнев. После празднества Летних Мистерий, пойдет вторая летняя восьмида – Трезвение, и надобно бороться с Ленистью. Следом, после празднества Перерождения Земли, – осень и восьмида Воздержания с Пороком Чревообъядения. В эту восьмиду блюдают пост: не пьют вин и молока, не кушают мяса, сыра и яиц. После Осенних Мистерий – вторая осенняя восьмида – Целомудрие с Пороком Любодеяния... В эту восьмиду тоже пост... но никак не повязанный с кушаньями... Дядя мне лет пять назад обещался сказать, как раз когда мне сбудется четырнадцать, чего же это за пост. Надо бы не забыть и спросить его сегодня... Осень оканчивает празднество Перерождения Огня – и начинается восьмида Любви, а с ней зима. В эту восьмиду надо сильно-сильно бороться с Гордыней, затем что это последняя восьмида года и нас всех ждет Судный День и его страшная Темная Ночь – это сорок шестой день Любви, последний день в годе. В полночь Темной Ночи луна и солнце приближаются и еле-еле расходятся. Если ночь не превратилась в день, то минувший год мы вели себя скорее праведно, чем нет, – и заслужили проживать еще год. Дьявол и демоны изводят огромные силища в Темную Ночь, чтобы светила всё же столкнулись, континенты сдвинулись, на Гео пролились кипящие дожди с лавою и в итогах ступил вечный мрак, – чтобы все люди сгибли из-за грохоту, потопа и землетрясения, а после с голоду и холоду в вечном мраке, затем-то даже короли стоят в храмах на коленях и молят, чтобы у Дьявола ничто не вышло. Мы, Ботно, тоже всей семьей молимся на площади перед храмом Благодарения, пусть и стоять два часа зимой на коленях, даже в лиисемскую зиму, жуть холодно и мёрзло, но никто не жалуется. Ровно в полночь Темной Ночи ступает самое великое торжество – миг Возрождения: Солнце и Луна расходятся, демоны и Дьявол исстрачивают все свои силы – и нечисть до конца первой триады слабая да ничуть не страшная. Так люди побеждают молитвою самого Дьявола! Но в конце всякого цикла из тридцати шести годов небесные светила уже не близятся, а летят друг к другу. Из-за этого Божий Сын умирает в мучениях, чтобы развести светила и всех нас спасти. Если бы не громадная сила от его досмертных страданий, то давно ступил бы Конец Света, ведь человек слаб, грешен и ему не всегда удается вести себя так, как велят календарь и часы. Мы все стараемся, конечно, но одних людских усилий уже не хватает, да еще и Дьявол козни строит. В Великое Возрождение Божий Сын сперва гибнет – и тут же возрождается душою в своем годовалом сыне, – так начинается новый цикл лет из тридцати шести годов до новой гибели нового Божьего Сына. Меридианцы за свое спасенье так чтят его подвиг, что нет святыни больше, чем золотое распятие. После Возрождения все радуются и обнимаются. Даже в обычное Возрождение плачут от счастья в первый час после полуночи и возносят хвалы Богу, – вот так встречаются новый год, вторую зимнюю восьмиду Веры и ее Порок Уныния... И как можно унынивать, когда едва переживал Темную Ночь и близкую гибель? – поджимая губы, с недоумением покачала головой девушка. – Верно, что унынников ждет в Аде Пекло, а гордецов и богохульников – нечистоты. Так вам и надо! Вот праведные люди радуются всю

первую триаду Веры, не работают и ходят по ярмаркам. Даже войны перерываются на всю зиму, на все восьмиды Любви и Веры... А оканчивается зима празднеством Перерождения Воздуха. В Лиисеме пробуют молодое вино, в городе распускаются миндальные деревья, в лесе – нарциссы, и случается «Бал Цветов». Хоть бы одним глазком поглазеть на бал в замке герцога Альдриана... – прикрывая веки, мечтательно вздохнула Маргарита. – А на Весенние, Летние и Осенние Мистерии жгут ведьму. В эти празднества стаётся встреча стихий. Знание, каковое дал нам вместе с верой первый Божий Сын, оно учит, что всё на свете – это стихии и их смеси, но Вода никогда не мешается с Огнем. Только в человеке намешиваются все четыре стихии, как и в Боге. Священники говорят, что нам сvezло и что не ценить страдания – гневить Бога, тяжело грешить неблагодарностью, а то и Унынием. Вообще, я многого не понимаю в знании, но это неудивительно – смеси стихий так сложно познать, что священники учат Богознание годов пятнадцать, я же лишь четыре урока Боговедения имела... Так, а что там мне дядюшка про часы сказывал? – стала вспоминать девушка, напрочь позабыв об уборке и разговаривая сама с собой. – С полуночи или полудня берётся первый час. С полудня идет служба в храмах, значит: первый час – это время Веры, и надо молиться. После службы идет час жертвований в храмах – прихожане должны бороться со своим тщеславием: большее жертвовать на Священную войну, заботиться о распространении веры и спасении мира, отказывая себе в новом наряде или в прочих вещах, завидных, конечно, но губящих душу, – это время Смирения. Третий час – время Нестяжания. После храму нам надо бы подмочь милостыню убогим, а в будни не явить корысти. С трех до четырех, как говорит дядя, люди окончат работу, получают плату или сосчитывают выручку, – мы не должны гневаться, а кротко принять то, что заслужили: четвертый час – время Кротости. С четырех до пяти... Нууу, – протянула девушка, трогая циферблат, – об этом часе тетка позабыть не даст – в это время ступает рассвет, и одни лентяйки почивают после пятого часу. Пятый час – это час Трезвения. Утром и вечером до конца пятого часу надо поспеть позавтракать и пообедовать, ведь затем ступит шестой час Воздержания. Кушать с пяти до шести – снова близить светила, и Экклесия воспрещает в этот час трапезы. А после часу Воздержания – седьмой час Целомудрия... Чего же воспрещают в час Целомудрия? Мне вечером в этот час, с шести до семи, надо започиваться. Последний восьмой час – время Любви. Днем надобно с любовью пойти на службу в храм, а ночью в это время уже спать. Когда человек спит – он всех любит: вот это и время Любви. А гордецы и бездельники еще не спят, не боятся лунного свету и мыслят о ересях всяковых... и за это будут плавать в нечистотах после смерти!

Довольная собой и тем, как она хорошо всё помнит, Маргарита заговорщически улыбнулась часам. Мыть пол девушке не хотелось, поэтому она провела пальцем по циферблату, нарисовав крест и соединив четыре Добродетели.

– Все мы, люди, нарождаемся только с Добродетелями, но несем крест из дурных и добрых склонённости, – пояснила она свои действия. – Этот крест у всех разный: может быть как у меня – три Порока и лишь одна Добродетель, а может быть как у тетки Клементины – три Добродетели и всего один Порок. Но у уймищи людей, как у Синоли, Беати, Филиппа или дядюшки Жоля, – по две Добродетели и по два Порока. Дьявол норовит сменить наши Добродетели в Пороки, чтобы мы спускались к Унынию, а он смог сжечь наши души, иначе адово Пекло затухнет без неверующих в Бога душ, как без дров. Покудова, конечно, таких душ у него хоть отбавляй – все безбожники из Сольтеля туда отправятся, но он всё равно от меридейцев не отстает. А если будешь веровать и бережешь свои Добродетели, то душа после смерти вновь попадет в Рай: станет облаком или прибудется в вечной радости в Элизии, или даже станет Божьим светом. Знать бы, чего я такового наделала в прошлой жизни, что заслужила три Порока, – грустно проговорила Маргарита. – Нужно бы почаще бывать в храмах, чтобы не возвращать свое Уныние... Но как там бывать, когда тетка жадится даже на четвертак?! – горячо возмутилась девушка. – У нее-то, как и у Нинно, всего один Порок в кресте! Устала

она, виделишь ли, радоваться на розовых островах небесного Элизия и возродиться во плоти удумала. И теперь заявляет, что ее душу опять тудова возьмут, затем что она верует в Бога, верная мужу да неленивая, – все ее Добродетели при ней, и она может жадничаться, сколько хочет! Только о себе и думает! Сейчас восьмида Нестяжания! – обиженно выговаривала часам Маргарита. – Всю нынешнюю восьмиду надо удовлетворивать себя малым, питать ненависть к роскошам всяковым, подавать обездолённым и точно не бить простыню свою племянницу из-за десяти регнов в ее день нарожденья! Могла бы и простить мне эту простыню да не губить весь род людской! Но неет! Из-за этаких вот жадин, как моя тетка, и тянет наша планета к себе луну, а я вот, когда выйду замуж, буду бывать в храмах и в благодаренья, и в медианы, – спасу мир, а после смерти тоже пойду в Элизий! Так и вижу, как тетка вытаращится, когда меня тама узрит!

Топнув ногой, девушка гневно выдохнула, посмотрела, куда указывала тонкая северная стрелка меридианского креста, и прочитала текущее время:

– Три часа и середина первой триады часу – время Кротости и борьбы с Гневом. Ну вот... – расстроено произнесла она и похлопала глазами – Из-за тетки я тоже нагневалась, нагрешила и приблизила Конец Свету...

Маргарита печально вздохнула, задумалась о том, вела ли она себя праведно в течение дня, и, решив, что за исключением несвоевременного гнева вполне справилась с трудной задачей быть меридианкой, опять повернулась к часам, поскольку в них имелась одна очень любопытная забава: вверху замка, за дверцами, жила принцесса, и она носила розовое платьице. Синоли рассказывал, что в полдень куколка, выезжая на балкончик замка, под звон колокола раздаёт воздушные поцелуи, а Маргарита еще ни разу не видела куколку, так как часы появились недавно. Добрый дядюшка почему-то тоже не пускал именно в полдень свою шаловливую племянницу в лавку.

– Свезло тебе, – сказала девушка часам. – Я б тоже хотела живать себе в замке. И к полудню пробуждаться тоже... Пусть даже это и порочно...

Маргарита еще с минуту постояла у часов, по очереди приложила один глаз ко всем нижним бойницам замка, попрыгала в попытке найти розовую затворницу, но затем сдалась. Она полюбовалась чудесным подарком на безымянном пальчике, а после решила, что не стоит мыть пол в такой красоте. Тогда, недолго думая, девушка сняла колечко и схоронила его на высоком балкончике принцессы.

Нехотя Маргарита подобрела к ведру, хорошо отжала тряпку и принялась за половицы. Задача ей выпала не из легких – тряпка должна была быть почти сухой, а пятен и грязи на полу хватало с избытком. «Может, если я всё отчищу, то тетка не нажалуется дяде Жолю про простыню, и я испробую все-все вкусные вкусы», – мечтала Маргарита. Но вскоре она заскучала.

– Монеты Орензы – это регны и рексы, – натирая тряпкой засохшее пятно, продолжила разговаривать Маргарита в пустой лавке. – Регны бывают маленькими – в один регн, медные или в серебру, а бываются большие монеты в десять регнов из одного серебра. Рексы же из золота, на них отгиск короля в короне. В нашем Лиисеме еще есть золотые альбальды и альдрианы – монеты с ликом наших герцогов. Все меры веса и деньги сродни мерам времени. Один регн весит восемнадцать ячменных зернышек; восемнадцать годов – это половина цикла лет и четверть века человека. Восьмида цикла лет – четыре с половиной года. Дядя сказывал, что раньше еще чеканили такие серебряные деньги: тоненькие и малюсенькие, с мой ноготок мизинца, – они весили ровно четыре ячменных зерна и половину, но уж жуть хлопотно было с ними торговать – и их сменяли на медную монету такового же весу, как и регн из серебру. Итак, самая мелкая монета – медный регн, каковой еще зовут «медяк» или «четвертак», ведь это четверть серебряного регна, хотя он весит столько же, а золотой весит четыре с половиной регна. Но тысяча серебряных регнов равна всего одной золотой монете, ведь золота в мире

мало, а серебра мнооого больше. . . Самая великая мера весу, что я видала, – это талант, и он есть на рынке. Этот валун весит столько же, как и тридцать шесть тысяч регнов. Еще на рынке есть камень в половину таланту, есть камень в четвертину таланту, есть в осьмину таланту, есть в унцию таланту и есть гирия равная весу тысячи регнов. Такая и у дядюшки где-то есть. . . А еще у него есть гири весом в пятьсот регнов и в сотню регнов, а для аптечного товара дядя ложит на весы монеты. Белой солью тоже можно уплбтить – обычно ее продают по весу медяка, но бывает и дорожее. Дядюшка говорит, что скупать соль по медяку выгодно, но тетка ругается, когда он так делает: говорит, что для хозяйства нам и грязная соль сгодится, а ждать, покудова опять подымется цена на белую соль, долго. . . Чего еще я знаю? – развлекала себя девушка, лениво протирая пол. – В кружке, в какой пиво продают за медный четвертак, в ней вод на десять чарок, в чаше воды на полкружки, а в чашке – половина чаши или четверть кружки. В винной амфоре – тридцать шесть бутылей, в бутылки же – три чашки, в бокале – две чарки, в кубку – восемь чарок, а в кратере, что тот же кубок, только большой, тридцать шесть чарок. На службах в храмах на алтарь ложат не чаши, скорее три кратера: с вином, с пилулами и для пожертвований. . . Дядя говорит, что звать пьет из кратера, передавая его по кругу, затем что аристократы боятся отравлений. Еще он говорит, что кроме кубкового кратера есть и иные – огромные, в каковых богачи разводят вино с водою, бросают фиалковые, лавандовые или розовые лепестки, приправляют туда сахеру, а порой и перцу, и анису, и шафрану, и мускату, и кардамону, и можжевельных ягод. У аристократов во всякой пище и напитке не меньшее двенадцати пряностей – вот как они богатые. Но мне бы и ихнее вино не понравилось, – уверенно заявила девушка, переползая к очередному пятну. – Жалко, дядя не знает, сколько в том огромном кратере вместится вод. Раз он не знает, то и я. . . Зато я еще знаю, что в ведре – двенадцать кружек, в ушате – два ведра, в бочонке – три ведра, а в бочке – тридцать шесть ведер. В самой большой из бочек, в тунне, – тысяча кружек воды. А еще тунной зовут вес на тысячу тысяч регнов. . .

На улице всю разгоралось весеннее, жаркое солнце Лиисема, и вскоре девушка упарилась от духоты: не развязывая тесемок под подбородком, она скинула чепец на плечи, выправила косу и утерла рукавом лоб. Выжимая тряпку, она слышала, как открылась дверь и кто-то уверенно вошел в лавку, но не обернулась. Думая, что это Синоли, Маргарита сердито сказала:

– Воротился! Я уж назаждалася тут тебя. . .

– Не ожидал, что ты по мне сучала, блохоловка. . . – услышала она отдаленно знакомый, с ноткой ехидцы голос.

Посреди лавки стоял ее повзрослевший сужэн Оливи. Он по-прежнему одевался модно, в безупречно чистую одежду. Длинные рукава его верхнего камзола и конец капюшона висели сосульками с узлами на концах, голову покрывала маленькая шляпка с остроконечной тульей, ноги обтягивали двухцветные штаны, а поверх тонких сапог с длиннющими носами-иглами он еще носил сандалии на деревянной платформе, чей стук девушка приняла за топот грубых башмаков Синоли. Русые волосы Оливи, чуть более темные, чем у братьев Маргариты, плавно удлинились ото лба к плечам; справа их кончики лихо завивались наружу, слева – внутрь. Гладкие щеки молодого щеголя сообщали, что по дороге к родному дому он не преминул зайти к цирюльнику.

За шесть с половиной лет, что Маргарита не видела своего сужэна, сын невысокого Жоля Ботно и его маленькой супруги, так вымахал, что опередил даже Синоли. Правда, Оливи сильно поправился, хотя до отца ему было еще очень далеко. В свои двадцать лет он стал холемым молодым мужчиной, несколько изнеженным и рыхловатым, радовал глаз здоровым цветом лица, и в то же время казалось, что он выпил излишне много воды. Небольшой животик выдавался над его дорогим поясом из кожи, латунных блях и изысканного проволочного плетения. В ушах столичного модника, в центре его мягких мочек, приютились маленькие сапфиры.

Оливи Ботно быстро огляделся, равнодушно скользнув взором по замку-часам, после чего его карие глаза остановились на юной красавице и помутнели, будто заплыли маслом. Ей же не понравился этот взгляд. Сужэн сразу показался Маргарите противным, несмотря на добрые черты его лица: Оливи унаследовал от матери широкий рот и нос с мясистой «луковицей» на кончике, во всем остальном он поразительно напоминал Жоля Ботно.

– Тоскаааа... – протянул Оливи, опуская с плеча большую дорожную сумку. – Ничего здесь не изменилось... А вот ты, Грити, сильно переменялась, – подошел он к Маргарите, застывшей на коленях с тряпкой в руках. – Ну-ка, встань-ка, дай тебя рассмотреть.

Маргарита похлопала глазами, отползла назад, вскочила на ноги и, ничего не отвечая, бросилась через боковую дверь в кухню, оттуда – в обеденную, из нее – в гостиную. Тетка Клементина, щурясь в мужнины круглые очки, водруженные на ее носу у «луковицы», старалась починить простыню. То, что хитрый процесс полностью ее поглотил, говорил кончик языка, торчавший в уголке приоткрытого рта.

– Тетя Клемтина, тетя Клемтин! – выпалила Маргарита, нечаянно взмахнув мокрой тряпкой. – Оливи тут!

Крупная капля щелкнула тетку по носу, и та захлопнула рот, прикусив язык, но лишь слегка скривилась. Она не стала кричать на Маргариту – небрежно отшвырнула рукоделие и, подбирая ноги, резво побежала навстречу любимому сыну, который уже шел к ней, раскрывая объятия.

Маргариту немедленно отправили купить курочку – и теперь уже она бежала к храму Благодарения, на рынок, пока тот не закрылся, после чего она одна в кухне ощипывала тушку, радуясь, что птичник хоть голову курице свернул. В это самое время Клементина Ботно, Синоли и Филипп, расположившись в обеденной, «разминали желудки» цветочным заваром с медом и слушали рассказы Оливи о чудесном Бренноданне. Маргарита, когда уставала вращать вертел с курицей, подходила к приоткрытой двери между кухней и обеденной – тоже слушала через щелку занятные истории сужэна. По словам этого помощника нотариуса, он с избытком познал блистательную столичную жизнь, среди знати, рыцарей и неопикуемой красоты содержанок, влиятельных как советники короля и столь же уважаемых в свете, как и замужние дамы.

«Странно, – думала Маргарита о рассказах Оливи, пока поворачивала вертел перед огнем очага и вдыхала одуряющий аромат жарившейся птицы, – мне Бренноданн помнится иным: темным и мрачным. Наверное, это затем что я хорошо помню Портовый город и Хлебный. Оливи же наверняка жила себе в Белом городе или даже в Золотом, вместе с аристократами. Батюшка говорил, что столица Орензы, как продувной трактирщик, поит медами лишь тех, у кого водятся деньжата, а бедноту потчует дрянью и жиреет с нашенского обману».

Тетка, в свою очередь, рассказала сыну, что к их соседу, косторезу, пока тот пил у Мамаши Агны, в дом залез «проходимец» из того же постоянного двора, надругался над его дочкой и после исчез из города. Кто он и откуда был, никто не знал. Так что тетка Клементина радовалась, что в доме появился еще один мужчина, а то ей было страшно. Еще тетка добавила, что «эта Гелни», дочка костореза, сама была виновата в своем позоре, поскольку по благодареньям не носила чепчика, и что ныне ее никто не возьмет замуж. Подслушивавшая у двери Маргарита не поняла, какой позор имела в виду тетка, но решила, что теперь уж точно никогда не выйдет на улицу без чепчика, раз даже забравшийся в дом проходимец ругается и негодует так сильно, что и замуж потом можно не выйти.

«Хорошо, что у меня есть мой добрый дядюшка, – вернулась к очагу Маргарита и начала крутить вертел за ручку. – На радостях, что Конец Света нас миновал, он купил мне после Великого Возрождения на ярмарке красного отрезку, какового как раз хватило на чепчик. Я этот чепчик берегу. Я еще ни разу его не надевала, ведь красный – это жуть дорогой цвет, но для герцога Альдриана Красивого я его надену. Конечно, если меня пустят на казни. А потом и по благодареньям его носить будуся...»

Клементина Ботно считала, что ее супруг избаловал Маргариту, быстро прощая ее – свою любимую дочку (оттудова все пакостя и бедствия!), поэтому тетка воспитывала племянницу в двойной строгости, ничего не спуская ей с рук. Так что наказание Маргариты к обеду не закончилось – за прятки на чердаке ей пришлось одной кушать в кухне, зато от запеченного яства она получила крылышко: тетка великодушно обделила себя угощением, а Оливи съел курицу за себя, за мать и за отца, вероятно, позабыв о том, что хорошим мясом его семья питалась по благодареньям и празднествам, довольствуясь в будни колбасами, говяжьими хвостами или даже козлятиной.

«Дядюшку – вот кого надобно сожалеть, – утешала себя девушка. – Ему мяса вовсе не осталось. Тетка ему заявит: "Кто ходит обедовать последним – тому кости". И он кричать, наверное, будет... Лишь бы не плакал!»

Жоль Ботно получил сухой и горячий гумор, но на стыке с влажностью и не в высшей точке горячести, то есть у него имелось два гуморальных сока – желчь и кровь. Желчи всё же было больше, да и Луна наградила Жоля Ботно не только порочной склонностью к Чревообъядению, но и к Гневу. Беззлобный и веселый нрав подарило ему рождение в седьмом месяце Вакха, по той же причине он имел тягу к выпивке и загулам. Таким образом, добряк дядюшка Жоль мог то ярко краснеть от возмущения, то взрываться от гнева, то спьяну ронять слезы, – вот Маргарита и переживала, как он воспримет то, что ему на обед достались кости. Она была бы рада до его возвращения отмыть поддон, куда капал ценный куриный жир, но тетка отправила ее убрать спальню Оливи, да «всё тама наблестеть, а не вилять от лени, как завсегда».

Дядя Жоль и дед Гибих, пьяные, развеселые и шумные, явились аж после начала первого часа, нарушая закон Элладанна «О запрете блужданий в будни с полуночи и до утреннего колокола». Заехав на задний дворик, разгружать тележку-двуколку они не стали – лишь распрягли старую кобылу пегой масти, и дед Гибих, налив кляче воды да накидав ей свежего сена, полез спать на сеновал.

Этот дед не имел никакого родства с семьей Ботно. Никто не знал, сколько ему было лет и чем он занимался до того, как необъяснимым образом поселился во дворе их дома. Маргарита помнила, что лет пять назад дядя привел его из трактира Мамаши Агны и уложил ночевать на сеновале. Больше дед Гибих не уходил. Он стал выполнять нехитрую работу: колол дрова и ухаживал за пегой лошадей Звездочкой, а также заменял собой сторожевых собак, которых тетка Клементина не терпела, считая, что от них только блохи, грязь, излишние траты да бесстыдство. Деда Гибиха она, правда, тоже терпеть не могла, но боялась с ним ругаться.

И зимой и летом дед появлялся в одной и той же одежде: в безрукавке из грязной овечьей шкуры поверх засаленной деревенской рубахи и в вонючих кожаных чулках с грубыми швами по центру ног. Один из швов разошелся на коленке, а дед Гибих так и ходил. За его поясом всегда торчал топор. Зато волосы старик держал в опрятности и заплетал их в тонкую косичку; свою гордость – белоснежную бороду, доходившую ему до внушительного плотного живота, дед расчесывал каждый час. Высокий и по ширине равный дяде Жолю, но сильный как бык, дед Гибих вызывал у Маргариты смесь страха и симпатии. Он мог наговорить грубых и обидных шуток, а мог прийти на выручку, например: отжать досуха «проклятые простыньи». Единственный, кто души не чаял в деде Гибихе, – это был, конечно, дядя Жоль. Дед Гибих никогда не отказывался от выпивки, и под мухой они становились отличной компанией. Дядя Жоль, пьянея, еще сильнее добрел, но его тянуло буяннить: петь песни, заигрывать с красивыми и некрасивыми торговками или задирать молодых парней. Вот тут и приглождался дед Гибих. С крепким стариком, таскавшим за поясом топор, мало кто желал лезть в драку.

Пока его добрый друг кряхтел на сеновале, дядя Жоль выпил колодезной воды прямо из деревянного ведра и, напевая под нос, направился к пристройке, прозванной в семье беседкой, хотя она больше походила на широкое и длинное крыльцо под навесом, огороженное сетчатой

шпалерой для виноградной лозы. Едва Жоль Ботно открыл дверь в дом, как сразу натолкнулся на жену, уткнувшую кулаки в бока, поджавшую губы и гневно уставившуюся на мужа.

– Чего так раное?! Чего ж не поутру явился?! – закричала она, когда тот полез целоваться: Жоль Ботно всегда так делал, и шумное неистовство его супруги обычно сменялось тихим ворчанием.

– Клементиночка, душа моя, уймись, – ласково сказал дядя Жоль. – Цельный день на жарнице... Ну выпили там... кхм... спустеееньку. А слухи экие в городе, ох! Не знаешь, во что верить... Вот, выяснивали... Да всё пустое – и слава Богу! Ну чего ты? Полно срамиться... Иди ко мне...

Он попытался ее обнять, но тетка Клементина вырвалась и снова закричала:

– Скока щас временей, знаешь?! Полуночь уж твои часы нагрели, чтоб им треснуть! Трезвону по цельного дому! В узилище он еще не годил? Под суд захотел?! Я тута истёрзалася вся, а он слухи по пивнушкам выяснивает! Небось не без девок яснял! Всё своё житьё я верною женою ему тружуся! Как в четырнадцать у того храму совстречала, – ткнула она пальцем в стену, – так всё для него: стираваю, стряпаю, дом в порядку держу! А он мне: то дурацкую лавку, то племянников, то старого пьяницу приволок. Оливи когда в Универсет отбылся, ты мне чего обещивал? «Вот примет сынок науки, и в Бренноданн тож поеждаем! И в Реонданн, и в Ориф, и в Идэрданн с Мартинданном! Напоживаем для себя». Напоживали! Давай, Клементина, корми и разодевай тута всех, не пойми на что...

Дядя Жоль, не дослушав жену, завалился в дом и сразу отправился в кухню, где обнаружил Маргариту, оттиравшую золой поддон от куриного жира.

– Дочка! – растекся он в улыбке и обнял племянницу так крепко, что она чуть не задохнулась. – Невестушкой моя дочка, моя красавица, сталась! – расцеловал толстяк Маргариту в обе щеки, обдав ее перегаром, отчего она снова потеряла дыхание. – А чего эт ты тута начищаешь? Никак курочка или даж кролик сегодня к обеду поспелись?! Тащи сюдова мяско немедля, а то я щас тебя как заглочу!

– Прости, дядюшка, но мясу нету. Только вчерашняя чепуха, – извиняясь, словно это она сама все съела, тихо ответила Маргарита.

– Так! – гневно изрек дядя Жоль, отпуская племянницу. – Чего поделовать-то? Тащи то, чего есть... В лавке хоть душу отвела?

Маргарита снова виновато улыбнулась и помотала головой, а дядя Жоль сорвал с головы синий колпак, смял его и загремел на весь дом:

– Клементина!!!

– Чего тебе? – показалась его жена, уже спокойная и не расположенная к ругани. – Не буянь, Жоль, соседей побудишь. Чего опять стряслося?

– Я ж сказал тебе: пущи племяшу в лавку! У девчонки празднество, а она сызнава твои горшки всё тирает!

– Да не ори ты. Я токо хотелась так сделать, как явилась Агна. Грити ей простынью спортила, и пришлось уплбгить десять регнов! Затем я ей сказала, чтоб полов там натерла. Ну вот, думаю, что после и дозволю ей сладств набрать. Да тут событие, дорогой, – расчувствовалась Клементина Ботно, и ее темные глаза увлажнились. – Событьё таковое, дорогой мой!

– О, авось твое событие и впрямь стоит того, что для меня в моем же дому нету мясу! – грохотал дядя Жоль. – Для меня! Мужа!! Мужчины!!!

– Дорогой мой, ну тихо ты. Наш сыночек, наш малютка Оливи! Он воротился! Может стать, даже насовсем. Уж верно надолгое!

– Приветствую, папа! – послышался за спиной дяди Жоля голос.

Готовый к объятиям Оливи раздвинул руки и шагнул к отцу, но осекся под его тяжелым взглядом, остановился и нервно дернул губами.

– Присядись! – строго приказал дядя Жоль, оглядывая броскую одежду сына. – Присядись и рассказывай: чего стряслось. Проигрался в карты? Кости? Обворовал хозяина и побёг? Иль чё хуже? Выкладывай!

Чтобы не испачкать тунику, дядя Жоль, принимаясь за еду, низко наклонил голову над миской с чепухой – густой похлебкой, а Оливи сел напротив него за кухонный стол. Тетка Клементина устроилась рядом – от переполнявшей ее любви, она порой поглаживала сыну плечо. Маргарита притихла в углу кухни, позади своего сужэна, стараясь бесшумно отчищать поддон.

– Да ничего со мною не «стряслось», пап, – мягким голосом язвил Оливи. – Это нотариус, у которого я работал, «побёг» из города, едва услышав, что Лодэтский Дьявол захватил Реонданн и пойдет вверх по реке. Другие тоже разбегаются из Бренноданна кто куда. Даже пешком уходят, бросают в городе всё добро, лишь бы оказаться подальше от Лани. Вот я и здесь...

– Значит, всё ж таки правда... – задумался дядя Жоль и тут же изрек: – Чепуха! Не брать им нашу столицу! Ладикэйцы уж разок поскололи зубы о стены Бренноданна. Я мальчонкой шести годов былся, а помню это: и как осадили Бренноданн, и как пущали камней в стены Хлебного и Портового городов, – да всё зря! И как поспело войско с югов, и как тогда подняли пехотинцы Альбальда Бесстрашного ладикэйских рыцарёв на копыя. Вот и щас у них ничто не выйдет, каковых бы дьявулов они не наняли. Складет Ивар Шепелявый остаток зубов у стенах нашей столицы. Даст Бог, и голову свою там рядом с Лодэтским Дьявулом складет. А что экие храбрецы, как ты, сынок, разбёглись, – эт ничё. Горожане Бренноданна и без вас выставят против ихних сотню тысячей мужчин! Иль даже больше... Нет! – убежденно потрянул он ложкой. – Не брать! Чепуха!

– Пааап... – раздраженно поморщился Оливи. – Ты будто в позапрошлом цикле лет застрял – всё теперь в Меридее поменялось. Больше не воюют копыями и стрелами, как тридцать шесть лет назад. Войско Лодэтского Дьявола имеет много ружей, разные пушки и другие пороховые орудия, но главное: они прямо с кораблей, от самого горизонта, пускают какие-то громовые бочонки и рушат ими стены городов. И для этих бочонков не нужны пушки, только катапульты с тетивой, поэтому они не ждут часа, пока остынет ствол, чтобы вновь выстрелить. Бочонок этот, как говорили, весь объят огнем, летит с ужасным свистом, а спереди имеет стрелу – когда она вкалывается куда-то, то случается взрыв, равный в своей силе удару ядра из стенобитной пушки, а то и мощнее! Из бочонка же разлетаются камни и железный сор – так лодэтчане уничтожают сразу множество людей, другие испуганно бегут... В Реонданне тоже не верили, что город будет взят. Лодэтский Дьявол дал им время в три дня, чтобы сдать, после начался настоящий Ад – так рассказывали все, кто уцелел и бежал. Эти варвары, лодэтчане, сначала уничтожили корабли нашего короля Эллы в морском сражении, затем пустили огонь на крепостные стены – и уже к закату смогли обрушить их. В дыму, словно черти, они появились в Реонданне и шли по еще живым, истекающим кровью защитникам города. Если Бренноданн не сдастся, то и с ним будет то же самое: его разграбят, убьют всех мужчин и даже мальчиков, надругаются над женщинами и пойдут дальше – вверх по Лани! Наверно, и досюда доберутся!

По спине Маргариты от этих слов пробежали мурашки. Она перестала тереть поддон и испуганно посмотрела на дядю. Тот теребил свою округлую бородку и, казалось, тоже был напуган рассказом сына. Все молчали – тогда девушка решила спросить:

– А кто это? Лодэтский Дьявол... Человек ведь, да? Иль демон?

Оливи развернулся к ней и посмотрел как на полную дуру.

– Это герцог из Лодэнии. Слышала о такой стране?

Маргарита отрицательно мотнула головой. Оливи усмехнулся и стал терпеливо ей объяснять:

– Лодэния – это королевство на самом севере, даже севернее Атардии, состоит из полуострова Тидия, больших островов Морамны и Орзэнии, и еще из множества островов

поменьше. Морамна и Орзения – огромные. Оба острова по отдельности такие же, как наша Оренза, но только на четверти Орзении можно жить, остальная часть этого острова лежит за Линией Льда. Самый восточный остров Лодэнии – это Дёфёрс, – там тоже никто не живет, но не из-за холода – этот остров отделяет Лодэнию и весь наш меридианский мир от земель северных варваров. Нигде мы так близко не граничим с Варварией, как в этом месте Лодэнии. Сами лодэтчане тоже еще наполовину варвары, дикари и язычники, так как приняли веру всего три цикла лет назад. Говорят, что они даже тела усопших не всегда предают огню, а просто зарывают их в землю, и всё! С Меридеей соединен лишь один полуостров, и то узеньким перешейком, – это полуостров Тидия, где вотчина Лодэтского Дьявола, поэтому лодэтчане, хоть и зовут себя меридейцами, на самом деле живут на островах, а не в Меридее. Соседствует Лодэния только с королевствами Ладикэ и Бронтаей, – как раз у того скалистого перешейка. Других соседей у Лодэнии нет. Сирмбозское море разделяет Лодэнию и Бронтаю, Банэйское море разделяет Тидию и остров в форме кита-убийцы, Аттардию. На северо-востоке Лодэнии – великое море, заключенное как в чашу островами Лодэнии и берегом Северной Варварии. Это море, вернее, океан так и называют – Малая Чаша. Несмотря на то, что большая часть этого океана за Линией Льда, Малая Чаша, вопреки законам природы, не замерзает. По Малой Чаше не плавают и айсберги, как по Банэйскому морю. Долго мог бы говорить... Про Водоворот Трех Ветров у пролива Перá, например... Если кратко, я хотел сказать, что Лодэния это одно из самых защищенных природой королевств: этот край оберегают горы, водовороты и даже Линия Льда, – поэтому Священная война там никогда не велась и к ним так поздно пришла вера, а сами лодэтчане отстали и в культуре, и в искусствах, и в науках от других королевств Меридеи. Только воевать они и умеют.

Маргарита, восхищенная глубиной познаний Оливи, приоткрыла рот, а тот, глядя на красавицу, продолжил говорить с усмешкой и гордостью в голосе:

– А теперь ближе к тому, о ком ты спрашивала. В двадцать шестом году Бронтая начала войну с Лодэнией, дабы отхватить юг Тидии, графство Ормдц – тот самый узкий перешеек, потому что у Бронтаи нет прямого выхода к Фойискому и Банэйскому морям. Их корабли идут к нам через воды Лодэнии, порой очень опасные, особенно из-за Водоворота Трех Ветров, полного бурь, а его никак не миновать. Получив узкий перешеек, они бы прорыли там канал, отделили бы полуостров Тидия от Меридеи, и их торговые суда коротким да безопасным путем ходили бы круглый год прямо к острову Утта, что меж Ладикэ и Аттардией. Бронтая стала бы еще могущественнее и оспорила бы первенство самой сверхдержавы Санделии. Годом ранее Рагнер Раннор отправился воевать как наемник на остров Бальтин и даже не подумал защищать земли своего рода. Война Лодэнии и Бронтаи с зимними перемириями, победами и отступлениями затянулась на шесть лет, вот только война пила соки из Лодэнии, а Бронтая развивалась: оружейники Бронтаи сделали лучшие бронзовые пушки в Меридее и даже придумали ружья без фитиля. Я тогда в Университете учился, и там никто из магистров не сомневался в победе Бронтаи, но Лодэтскому Дьяволу стало некого убивать на Бальтине, и он вернулся домой. И двигало им не благородное желание защитить земли своего рода – иначе он вступил бы в войну раньше, а не спустя шесть лет, – он хотел крови, и всё. Поэтому, наплевав на зимнее перемирие, преступно воевал в восьмиды Любви и Веры. Магистры знаний нам говорили, что отсталый Бальтин это не Бронтая и что варвар будет посрамлен, однако бронтаянцы сдались уже через год – когда Лодэтский Дьявол вышел к Лимму и намеревался палить его... Лимм – это такой же город, как наш Реонданн, на реке Фло, а та река ведет через канал к столице Бронтаи, к Номму. Победил же Лодэтский Дьявол, так как всё сжигал на своем пути: сколько бы войск или кораблей против него не бросали, он их уничтожал издали, откуда до лодэтчан не доставали даже пушечные ядра. В бронтаянцев летели и огненные шары, и огненные стрелы, и эти громовые бочонки, а падая, взрывались даже в воде, и никто не знает, как такое возможно.

– Боже, Оливи, откуда ты всё это знаешь? – изумленно прошептала Маргарита.

Чрезвычайно довольный собой, ее сужэн, закинув нога на ногу и опираясь одним локтем о стол, вальяжно развалился на табурете.

– Есть такие науки, как География и История, Грити, – снисходительно ответил он.

– Какие же занятные науки... – вздохнула девушка и добавила: – Так чего там про Лодэтского Дьявола? Демон он иль человек?

– Ну... я точно не знаю, но вот в Бренноданне говорили, что он человек, однако в юности отправился на Священную войну в Сольтель – и там этот лодэтчанин угодил в плен к безбожникам. Всех остальных пленных умертвили изуверским способом – посадением на кол, а его спас Дьявол, которому нравятся горячие и безбожные земли Сольтеля. Вот так этот лодэтчанин сохранил жизнь, но потерял душу: стал таким же жестоким, как кровожадные безбожники, перестал молиться и веровать в Бога. Спустя год он вышел из песков к нашей крепости у края пустыни, появился со стороны Линии Огня, вернулся из ниоткуда, поскольку, кроме песка, в той стороне ничего и нет. Говорили, – зловеще произнес Оливи, – когда он подходил к крепости, над ним летал стервятник – так он его поймал, прокусил живой птице шею и выпил всю ее кровь, чтобы утолить свою невероятную жажду... жажду крови!

Маргарита побледнела и нарисовала большим пальцем крестик на груди.

– Еще в Бренноданне говорили, что тайну, как воспламенить порох в воде, он тогда же и узнал от Дьявола за Линией Огня, – продолжал Оливи. – Но священник мне сказал, что хоть тайна огня в воде, бесспорно, добыта из самого Ада путем колдовства, за Линией Огня никто не может побывать: плоть человека спечется и снаружи, и изнутри, едва тот приблизится к ней, да и нет ничего за Линией Огня, как гласит вера, кроме выжженной шапки земли. Скорее всего, безбожники сохранили этому лодэтчанину жизнь, затем он сбежал или его отпустили. Он заблудился – вот и зашел в пустыню, где едва не помер. В стервятника я тоже не верю, но что именно в плену он узнал хитрость, позволившую создать громовые бочонки, – в этом сомнений нет. После возвращения из плена этот лодэтчанин больше не пожелал распространять веру и спасать мир, сразу же покинул Сольтель, не отомстив за братьев по оружию. Набрав голытьбу и висельников себе в так называемое войско, он стал наемником у аттардиев и отправился на остров Бальтин, где убил всех мужчин и мальчиков, оставив жизнь лишь тем, у кого еще не прорезались до конца все молочные зубы и кто еще не получил души. А ведь бальтинцы были не безбожниками, а язычниками. Кто-то уже даже принял меридианскую веру, но он всё равно всех уничтожил без разбора – так алкал убивать и истязать. Аттардии, что шли следом и обустроивали новые поселения, боялись не нападения уцелевших бальтинцев, а того, как бы лодэтское чудовище их самих не казнило. Вот такой человек – хуже Дьявола. И теперь это жестокое чудовище напало на Орензу... А начал он с такого... В эту дерзость просто немыслимо поверить! Прямо в Главный Судный День перед Великим Возрождением он подвел корабли к Орифу, к столице Сиренгидии, и сказал, что с закатом начнет штурм, что прямо с кораблей взорвет город да устроит там Ад! И приказал метнуть к берегу бочонок – и поднялась волна в три роста человека! Легаты городов решили, что лучше сдаться, чем в Темнейшую Ночь гневить Бога, помогать Дьяволу и вызвать Конец Света для всех людей. И пока сиренгцы стояли на коленях, в том числе и воины, помогая Божьему Сыну молитвой, Рагнер Раннор со своими висельниками захватывал крепости. Проходя мимо молящихся, он смеялся, богохульничал и благодарил Бога за то, что тот создал людей дураками. Так все и было: во всей Меридее только он и его головорезы не стояли на коленях, не молились, но занимались разбоем в миг Великого Возрождения! Чудо, что светила разошлись, а его не испепелил Божий Огонь, впрочем, кары от Экклесии он всё равно дождется... Как после такого святотатства сомневаться в том, что этот лодэтчанин продал душу Дьяволу? Священники первыми покинули Бренноданн и вывезли все ценности из храмов, даже сатурномеры. Когда я спросил, почему они-то бегут, мне ответили: «Что стоит такому человеку разграбить святой дом, переплавить святыни или же их осквернить? Он не имеет ни почтения к Богу, ни страха перед ним, ведь его господином стал

Дьявол!» Если священники боятся, представьте ужас мирян Бренноданна! С теми городами, что не сдадутся, Лодэтский Дьявол поступит как с Бронтаей или даже как с Бальтином: всё взорвет и убьет всех мужчин, кроме младенцев, а может быть, и их тоже. А всё потому... так в Бренноданне говорили... Это про то, что с ним случилось в плену у безбожников, – понизил голос Оливи, и его глаза, устремленные на Маргариту, слегка загорелись. – Говорят, что он ненавидит всех мужчин, потому что безбожники сохранили ему жизнь, но лишили мужского достоинства – его оскостили, – улыбнулся своей красивой суженке Оливи.

Тетка Клементина охнула и перекрестилась (точно так же нарисовала на груди крестик, как ранее делала ее племянница), дядя Жоль, наоборот, довольно хмыкнул, а Маргарита ничего не поняла.

– Чего с ним дельвали? – спросила она.

Оливи расхохотался.

– Думал, ты сегодня совсем взрослой стала. Невеста! Пап, мам, что же вы ее не просветили?

– Не лезь к ней! – резко ответил дядя Жоль. – Эка́я еще невеста? Поглянь на нею! Девочка еще вовсе, не то что Беати...

– Нуу... Я бы так не сказаал, – протянул Оливи, и его карие глаза снова стали масляными и противными.

– Не лезь к ней, говорю! – повысил голос дядя Жоль. – Вот когда будется замуж пойти, Клементина ей всё скажет. А покудова раное... Кх, как бы это натолковать-то... – закричал дядюшка Жоль, подбирая слова. – Доченька, – смущенно наклонил он голову и потер клок волос на лбу. – Ты же знаешь... кх... хм-да... что охощивают петухов, чтобы и мясу стало́сь большее, и жиру... Так вот суть та же, что и Оливи сказал.

– А зачем так делают с людьми? – изумилась Маргарита. – Безбожники кушают людей, как великаны из Варварий?

– Нет, ну же! Сам тебе всё расскажу, а то от батюшки и матушки, похоже, толка не будет, – веселился Оливи.

Тут вскипела тетка Клементина и набросилась на племянницу.

– А ну давай поди отсюдова, да поживее, вертигузка! Ночь уж, започёвывать поди! Подыматься тебе на рассвете надобно, не забыла? Назавтру доскоблишь.

Видя нежелание Маргариты уходить, она схватила ее за плечо и потянула к коридору – ко второму выходу из кухни.

– Ну пожаайлста, – чуть не плача, упираясь и пытаясь освободиться, запричитала девушка. – Ну, тетушка Клементинушка, ну пожайлста, ну не гоните! Я лишь знать хочу: Лодэтский Дьявол нападет на Элладанн или нет? И стал ли он демоном, раз уплостил Дьяволу душу и этакое ныне вытвбривает?

– Да экой он демон... – раздраженно проворчал дядя Жоль. – Еще чего не хватало... Демон, дочка, тварь непростая и тихая, да и до золоту демону интересу нету... Сказал же Оливи: безбожники этогова лодэтчанину в Сольтелю сцапали. Предатель веры – вот кто он, – и всё тут! Так жизнь себе позорно и сберег: отрекся он от Бога и от меридианского кресту. Наверное, и на распятие плюнул, скотина, если чего не хуже, – я слыхивал, что лишь так можно уцелеть в Сольтелю, у безбожников-то. А то, что его тама... охощили, – понизил он голос на щекотливом слове. – Так эт точно, поди, истинна правда! Говорют, он на войну поспел опосля венчанию. Кто б так сделал, как не скопец? Хоть немного-то надо побыться с женою, хм-да... законным дитём понаживаться... И не нападет он на нас, не боись, дочка. Коли возьмет Бренноданн, а я всё ж таки не верю в это, то богатств ему из стольного граду кораблём вывозить не хватит. Ну а если нападет, то мы ответим! Чего нам до огню в воде? Лани от Элладанна далече! Да у нас всё ж таки тоже пороху есть!.. Всё, тетка твоя правая – почивать уж поди!

– Но дядюшка, а твоя лавка? – умоляюще посмотрела на него девушка, и добродушный толстяк сразу размяк под взором прекрасных сиренгских глаз.

– Ах, чтоб... ничто не поделывать... Пойдем, – отодрал он руку жены от плеча племянницы. – Возьми всё, что хочешь, а скушать и завтра можешь, а чего и на послезавтра оставь. Зачем всё сразу-то съесть, как ты любишь?

Они еще не вышли из кухни, когда тетка Клементина присела к сыну и зашептала ему так громко, что дядя с племянницей ее отлично слышали:

– Не глазей ты на эту вертигузку. Добру от нее не будется с ее-то Пороком, с Любодее-нием... Я тебе отменную невесту сыскала. Из порядочной и почтимой семьи.

– Красивая? – тоскливо спросил Оливи.

– Богатая! – радостно ответила ему мать.

– Значит, некрасивая...

Это было последнее, что донеслось до Маргариты из кухни, кроме обреченного вздоха ее сужэна.

Дядя отворил дверь в темную лавку – и Маргарита позабыла всё, что случилось с ней за этот щедрый на дурные события день, даже о Лодэтском Дьяволе и о том, что он может напасть на их город. Вот оно – чудесное окончание прескверного дня! Она получит самый лучший на свете подарок!

Но едва дядя Жоль переступил порог, свет от глиняной лампы в его руке вырвал из тьмы картину, от которой громкий, полный боли вопль разнесся по дому. Шедшая следом Маргарита замерла от ужаса: любимые часы дядюшки были сломаны! На полу валялись железные зубчатые кольца, а маленькая принцесса в розовом нарядном платьице и с белокурыми волосами ангела, с каких отклеилась и унизительно обвисла тиара, соскочилась вверх своего замка. Малютку толкало вперед и назад за балкончиком, и она билась головой об дверную створку. При этом принцесса не забывала подносить сразу две алебастровые ручки к лицу и раздавать воздушные поцелуи.

Оцепенев, Маргарита обхватила ладонями щеки и широко распахнула глаза, а дядя Жоль заскулил, как щенок, и, засовывая руки за слишком высокий для него балкончик, запрыгал мячиком у часов, из-за чего под весом толстяка грозили обвалиться половицы. Но, то ли его пальцы были слишком большими, то ли малый рост дядюшки не позволял разглядеть поломку, у него ничего не выходило: он прыгал и жалобно подвывал, принцесса продолжала биться головой о раскрытую дверцу своего замка.

– Чего еще стряслось? – возникло в полумраке настороженное лицо Клементины Ботно.

Дядя Жоль снова заскулил, выше и протяжнее. Оливи раскатисто захохотал.

Тетка Клементина не знала, что ей делать. Ей очень хотелось накричать на супруга из-за этой игрушки, и, наблюдая, с каким трепетом он пытается спасти куколку, она чувствовала смесь из ревности к этой вертушке и из удовольствия оттого, что ту заслуженно колошматило. Но Жоль Ботно выглядел так, словно находился в шаге от сердечного удара или помешательства. Оливи смеялся уже беззвучно, однако смех его расpirал и душил. Обхватив рукой живот и согнувшись пополам, он другой рукой иногда бил по стене и говорил:

– Хватит... пожалуйста, прекратите... остановитесь... Я больше не могу... Я сейчас помру со смеху!

Его тетка Клементина тоже не стала трогать, хотя отметила, что сын жесток и что смеется не над часами, а над нелепым поведением своего бедного отца. И тут она увидела Маргариту, замершую с вдавленными в щеки руками и пучившую глаза.

– Сызнову твоя пакостя?! – стала кричать тетка. – Я знаю, что это ты наделала! От кого еще стоко урону может быть? Лишь от тебя одни бедствия!

Маргарита вместо ответа горестно простонала, словно у нее болели зубы.

Оливи, нахохотавшись, вытер слезы и, еще посмеиваясь, подошел к часам.

– Будет тебе, матушка. И ты, па, отойди. Дай лучше я гляну.

Высокий Оливи доставал глазами до балкона принцессы. Он взял лампу, всмотрелся внутрь и ловко просунул пальцы под крепление принцессы.

– Вот что здесь у нас, – достал он колечко Маргариты. – Милое... И, кажется, серебряное.

– Боже мой, откуда оно тама взялося? – выхватила тетка Клементина колечко из рук сына.

Принцесса, хлопнув дверьми, уехала назад в свой замок – там внутри что-то звякнуло и лопнуло; с дребезжащими звуками на дощатый пол посыпались новые круги и винтики. В довершение всего вниз шмякнулся шнур с гирями, и одна из них стукнула напольную подставку так, будто трость судьи подытожила приговор. Дядя Жоль грузно сполз по стене и сел на пол. Он уныло смотрел на дверцы вверху аляповатого замка, понимая, что они закрылись для него на веки вечные. Тетка в это время увлеченно ковыряла ногтем находку, нюхала металл и в наступившей тишине трижды подкинула кольцо на прилавке.

– И правда вроде бы серебро! – заключила она. – Такого кольца в нашем доме никто не носит...

– Может, кольцо давно там лежало, – рассуждал Оливи. – Часы ведь наверняка подержанные. Может, прежний владелец прятал в них ценности, да не все выгреб... Иначе кто будет такими колечками разбрасываться?

– И то верное, – согласилась тетка Клементина. – Хоть что-то, наконец, полезное от всех этих твоих затей, Жоль. Завтра снесу его скупщику. Авось выручу хоть с десятку регнов, а то эта простынья...

– Не надо, пожайста, это мое кольцо. Его для меня Нинно лил, а Беати сегодня задарила, – сгорая от стыда и опуская руки от лица, тихо сказала Маргарита: говоря это, она представила Нинно, сторбленного в темной кузне, и поняла, что не может не признаться. – Я просто не хотела тереть полов с ним, чтоб оно не счернело. Решила покласть его где-то. И вот... зачем-то тудова. А Оливи пришел, и меня за курицей послали... и я про него забыла. Я вовсе не надумывала дурного: принцесса ведь в полдень кажется, разве нет?

– Вон!!! – не своим голосом заорал сидевший на полу дядя Жоль. Его рука указывала на дверь из лавки на улицу. – Вон! – твердо повторил он.

Маргарита, оглядываясь, несмело пошла к выходу. Из распахнутых от страха зеленых глазищ покатались слезы: девушка представила, как городские стражники ее схватят и повесят в благодаренье на Главной площади за бродяжничество. Она уже взялась за засов, как снова обернулась.

– Спа... сибо, – немного театрально всхлипнула Маргарита. – За всё... За всё, что вы для меня дельвали... – вытерла она щеку. – И, тетя... – запнулась она, хлопая глазами и роняя с ресниц очередную каплю. – Беати сказала, кольцо стоит не меньше сотни. Вдруг этогова хватит на починку часов... И за простыньююю... – горько заревела девушка.

Шмыгая носом, она было открыла дверь, когда ее остановила тетка Клементина.

– Да стойся же ты, дуреха, – грубовато сказала она. – Дядя твой пьян. Поди, наконец, почёвывай! Вставать уж через три часу – Агна сызнову простыньи натащит!

Тетка Клементина сцапала Маргариту за плечо и вытолкала ее в кухню.

Глава II

Торжества в честь герцогини Юноны

Бог создал всех живых тварей неравными – значит, неравенство являлось богоугодным порядком, а духовный закон разделял людей на три общности с правами и на бесправных бродяг. Женщины равных прав с мужчинами не имели; все, кроме вдов, нуждались в покровительстве отца, супруга или опекуна, на худой конец, работодателя, зато, благодаря замужеству, могли улучшить свой статус. Мужчине возвыситься было куда как сложнее, и лишь аристократ свободно выбирал, кем ему быть: воином, мирянином или священником. Воинский путь обещал почет, благосклонность красавиц и расширение земельных угодий. Титул же подразумевал владение не только землей, но и закрепленными за ней землеробами – хватало захудалой деревушки с десятью дворами, чтобы стать бароном (благородным человеком). Выше барона стоял граф – глава округа, еще выше маркграф – глава приграничных земель и вождь своего войска, далее герцог – вождь над графами и баронами своих земель, потом принц – прямой наследник монарха, и венчал всё король, точнее: он стоял первым перед Богом и держал ответ за всех своих подданных. Старший сын герцога получал титул графа и округ, маркграфа и графа – титул барона и надел земли, барона – «титул учтивости» без владения землей. Все младшие сыновья сами завоевывали или заслуживали вотчины, дочерям аристократов доставался титул учтивости, причем, старшей дочери – самый высокий. К примеру, дочь Альдриана Лиисемского родилась первой его наследницей и получила титул герцогини. Чтобы не путать жену и дочь, двух герцогинь, в этом случае дочь называли по титулу и по первому имени, то есть – «герцогиня Юнона», а женам властителей зачастую давали прозвища, как и их мужьям.

Кроме кантона Сиренгидия, земли Орензы состояли из пятнадцати графств, десять из которых соседствовали с рекой Лани, и еще из трех герцогств: из южного Лиисема, из болотистого Елэста на северо-западе со столицей в Идэрданне и из холмистой Мартинзы в центральной части страны, ограждавшей Лиисем с севера ожерельем из коварных оврагов и топей Гиблого леса. Единственная дорога от Лани на Элладанн шла по ущелью через городок Калли, через крепость Тронт в предгорной долине и, далее, через Нонанданн – крупный город с населением в сорок тысяч человек. Городом же считалось поселение с управой, мирским судом и храмом, обнесенное стенами и требующее плату за вход. В основном города Меридеи были небольшими, в них насчитывалось от тысячи до пяти тысяч обитателей, а всего в городах проживало не более одной сотой части от населения страны. Многолюдные города возникали на торговых путях – трактах. Нонанданн, принадлежавший королю Орензы, как раз вырос на перекрестке двух дорог: Западный тракт вел к Лувэанским горам, Южный тракт шел к южному побережью через Элладанн, Миттеданн и городок у серебряных рудников, Фольданн.

Прямо за Нонанданном начиналось богатейшее южное герцогство – Лиисем. Меридейцы говорили так: «Если Бренноданн это Белый Король, то Лиисем – самый яркий рубин в короне Орензы». Лиисемцы же верили, что этот край благословил сам Бог: здесь были лучшие пашни и соляные прииски королевства, фруктовые сады и пастбища. Лувэанские горы давали песчаник, известняк и мрамор, Вёммельские горы – железную руду, медь и золото. Левэрнский лес славился ценной древесиной, южное Хинэйское море – крупной рыбой, перламутром и красным кораллом.

Лиисемцы напрочь позабыли о голодных временах, однако в летописи можно было прочесть, что до двадцать седьмого цикла лет эти земли раздирали междоусобные войны, тогда как южное побережье страдало от набегов безбожников из Сольтеля. Всё изменил Олфобор Железный. Он изгнал сольтельцев и объединил враждовавшие кланы; и пришел этот рыцарь из Южной Леонии, из некогда могущественного, полуварварского королевства Антола. (Здесь же стоит пояснить, что «варвар» – это не дикарь, а чужеземец; варвары жили в двух Варвариях, но

также меридейцы могли назвать варваром любого иноземца из Меридеи со странными, пугающими обычаями).

Олфобор Железный не был меридианцем, но принял веру, женился на дочери короля Орензы и присягнул тому в верности. Он же основал новую столицу Лиисема – Элладанн. Древний летописец так написал об этом прославленном воителе: «С незлобивым нравом и чуждый стяжательства, зная, как ратовать, а как мир беречь, явил он и воинский гений, и державный». За то, что безбожники перестали угрожать Святой Земле Меридиан, Олфобор Железный получил в награду право дополнить меридианским крестом свой герб, Оренза стала единственным королевством в Меридее, поделенным на две епископии, в Элладанне разместилась резиденция епископа.

Конечно, многие местные кланы были недовольны правлением антоланца, но Олфобор Железный смог сохранить власть и передать ее потомкам: на одних аристократов щедро пролились милости, другие были казнены. Именно с той поры права владения землей еще усложнились, и у нее стало сразу множество хозяев. Над всеми по-прежнему стоял король и от всех своих аристократов-слуг он получал дань, но другой воин первого ранга (принц, герцог или маркграф) мог жаловать титул и земли из своего домена в лен или в феоде новоявленному аристократу, а тот мог продавать кому-то еще участки, при этом не теряя главенства во владении землей, как не терял ее и герцог, и король. Титул, как правило, получали или наследовали вместе с воинской повинностью, и тогда имя у аристократа в Орензе заканчивалось на «ннак», что означало «на наказе». Отобратить титул можно было лишь за вероломство, за нарушение клятвы подданного, оттого с детских лет аристократов учили держать слово и не разбрасываться обещаниями. Рыцари, в свою очередь, имели право не присягать на верность даже своему королю, следовательно: воздерживаться от участия в его войнах, несмотря на воинскую повинность.

И у незнатного орензчанина окончание родового имени часто указывало на то, что его предки были славными воинами (окончание «ак» говорило о хороших заслугах, «нак» – о высоких, «ннак» – о героических). Но у большинства незнатных мирян имена в Орензе заканчивались на «о», как «Ботно». Если имя аристократа заканчивалось на «онт» – это переводилось как «он от тех-то земель»: такое окончание имели придворные, получившие титул без воинской повинности. В иных королевствах Меридеи родовые имена также рассказывали историю и статус семей, а могли не говорить ни о чем, например: все санделианцы, знатные или нет, имели окончание имен на «ро». Альдриан Красивый унаследовал имя древнейшего антоланского рода, дававшее ему право на королевскую власть, но лиисемцы предпочли забыть о чужестранном происхождении своих герцогов: вместо Альдриан Валаадж, говорили просто – Альдриан Лиисемский. Его жену прозвали Терезой Лодварской, так как она была дочерью короля Лодвара, соседнего с Лиисемом королевства.

Маргарите оставалось надеяться, что и поломку часов дядюшка Жоль когда-нибудь забудет, правда, ей хотелось, чтобы это случилось не через дюжину циклов лет, а намного раньше. Пока же она старалась не попадаться ему на глаза. Убираясь в доме, девушка прокрадывалась из комнаты в комнату с метлой и тряпкой, словно воровала у Ботно их пыль. Быстро и с чувством вины Маргарита одна кушала в кухне, тогда как все остальные домочадцы веселились в обеденной. После вечерней трапезы они собирались в гостиной, а она уходила в свою спальню под лестницей. Там ее развлечением стали мечты о том, что всё наладится. В ночь своего дня рождения она пожелала, чтобы часы с принцессой починились, чтобы ее саму забрал отсюда тот прекрасный человек из стихов Филиппа, чтобы она перестала наносить урон семье Ботно и чтобы любимый дядюшка ее простил, ведь сердце Маргариты болело из-за того, что ее второй отец с ней не разговаривал. Если они случайно встречались, дядя Жоль словно не замечал свою единственную дочку по сердцу.

Маргарита не ожидала, что ее отпустят в город, на торжества в честь рождения герцогини Юноны. В благодаренье, пятнадцатого дня Нестяжания, ее оставили молиться дома, но по возвращении из храма Жоль Ботно, его супруга и Оливи куда-то засобирались, Филиппа они взяли с собой. После их ухода Синоли гордо зашел в полутемную комнатушку сестры.

– Ну, чего я обещивал! – радостно изрек он. – Мой тебе дар! Я смог их уболтать, и тебе позволили пойти со мной на площадь.

Маргарита мгновенно подскочила, взяла маленькое зеркальце на ножке и, приставив его на умывальный столик к стене, начала прихорашиваться: расчесывать длинные, непослушные волосы, заново плести косу и примерять красный «выходной» чепец, какой она берегла уже две восьмиды ради особенного случая. Синоли сидел на ее кровати, нетерпеливо вздыхал и раздраженно охал.

– Давай мухой шустри, – торопил он ее. – Беати уж назаждалася. Зачем чесалась, если чепчик напялила?! – искренне изумился Синоли, наблюдая, как сестра прячет под чепец косу. – Ни волоска всё равно не видно!

– Неправда, я выпустила пару прядей у лица, – пританцовывая от счастья, ответила Маргарита и, поочередно прикладывая косынки к шее, стала глядеться в ручное зеркальце.

Выбор косынок был скудным: бледно-голубая или болотно-зеленая, – и ни одна из них не подходила к красному чепцу, похожему на шаперон-капюшон, без пелерины, зато с большим отворотом у лица.

Синоли зарычал:

– Ну чё ты всё вертишься?! Почто тебе платок? Там жара наинесусветнейшая!

– Но, Синолиии, у меня всего одно платье, и я в нем всюдова хожу, – жалобно ответила его сестра. – Я хочу быться красивее...

– Зачем?! Герцог Лиисемский как усмотрит тебя на жарнице в зимнем платке, так влюбится? Немедля разведется с Терезой Лодварской, как с прежней супругою, и женится на тебе, дурочка? – издевался Синоли: из всех мужчин, кто знал Маргариту, он один не замечал ее расцветающую красоту. – С нами будет только Нинно, так что хорошиться тебе не перед кем.

– Нинно! Ты чё мне сразу не сказал?!

– Я его не звал, но он всегда является с сестрой! Встает меж нами: вот так мы и гуливаем! Слухай, – понизил голос Синоли, – ты это... поулыбайся ему, что ли... Авось он хоть с мушку на тебя отвлечется.

– Так вот зачем ты меня берешь! – гневно воткнула руки в бока Маргарита.

– Да! – с сарказмом подтвердил Синоли, сорвал с ее шеи косынку и потащил за руку из дома.

Горожанки Элладанна сменили будничные коричневые одеяния на убранства всевозможных цветов: от весенне-нежных до по-летнему ярких. Стараясь усложнить свои платья, они заворачивали спереди подол за пояс, приоткрывая контрастную нижнюю юбку и висящий на длинном шнулке вышитый кошелечек. Из головных уборов у замужних женщин пользовались почетом пышные сооружения из колпаков-кубышек и платков, а также чепцы с домотканым кружевом; юные девушки-невесты, хвастаясь длинными волосами, носили венки или обручи поперек лба. Дородные торговки из ремесленных кварталов так сильно стягивали и поднимали грудь, что она плыла впереди них, как нос корабля. Дамы из центра города одевались скромнее, но выглядели даже привлекательнее, – их благопристойные платья будто говорили: «Я скромна, оттого что крайне красива, – вот и прячу себя от недостойных глаз». Маргарита, разглядывая модниц Элладанна, с досадой думала о том, что всё же надо было взять косынку и не слушать брата: пусть ее мучила бы жара, зато она стала бы выглядеть праздничнее. Девушка стыдилась своего заношенного платья из грубого льна, висевшего на ней мешком; ей казалось, что все вокруг замечают штопки на ее одежде. Но, конечно, проходившие мимо мужчины замечали

только Беати: в простоватом зеленом платье с укороченной юбкой она, яркая и улыбчивая, оказалась краше всех встреченных дам. Ладную фигуру южанки не испортил бы даже светло-коричневый мешок, какой носила Маргарита. Беати не боялась солнца и не прятала лица, – в это благодаренье она распустила волосы, и они, сияя роскошным отливом, каштановой лавиной текли по ее спине. Тонкая косичка поперек лба, сплетенная из ее собственных волос, украшала голову небогатой красавицы. А рядом с сестрой, впереди Маргариты и Синоли, широкими шагами мускулистых ног ступал Нинно.

Беати и Нинно достались от родителей одинаковые карие глаза, полные губы, смуглая кожа и темные волосы. Эти брат и сестра имели красивые, открытые лица, и если бы Нинно родился девушкой, то выглядел бы в точности как его сестра, – настолько они были похожи. И всё же получились разными: Беати, рожденная летом, всегда улыбалась, лучилась любовью и радостью, ее «зимний» старший брат мало разговаривал и вечно хмурился, из-за чего его недолюбливали в квартале, но и боялись.

«Надо же так человеку не свезти: народиться в Юпитералий, – думала Маргарита, глядя на могучую спину кузнеца. – Правда, Нинно народился в мой самый любимый день в годе, но ему-то от этого не легче! Мои три Порока в кресте – это ерунда в сравненье с невезением того, кто не может праздновать свое нарощенье. Никогда! Жуть... Вот отчего он угрюмый – ему никогда даров не задаривали. В Юпитералий Дьявол на два дня выпускает из Ада грешные души, и те понуро сидят у своих останков, ожидая подношений, – это празднество мертвых и живых не чествуют. Народиться в Юпитералий так же худо, как и в Судный День – в последний день года тоже нельзя пиршествовать и веселиться, лучшее всего сутки ничего не кушать. А народиться прям ночью, в Темную Ночь, даже жутко... Еще плохо народиться в Великие Мистерии – раз в четыре года тебе принимать дары... Но Нинно еще таковой смурый, затем что его гуморальные соки – это черная желчь и слизь. Он имеет высшую точку холода, как тетка Клементина, – вот он и спокойный, и мрачный... Мой же гумор – влажный и горячий, кровяной. Из-за этого я часто лью слезы и краснею, а Нинно, наверное, никогда не плакал и не краснел... Зато Нинно народился в новолуние, и у него лишь один Порок в кресте – Чревообъядение. Кушает он, конечно, мнооого... А еще он народился в месяц Феба, значит, имеет склонённость к искусствам и тонкостям всяковым, и если бы народился в семье богачей, то кто знает – колечко-то эким красивым вышло! Да и на подмостках он вроде недурен... Интересно, в этот Меркуриалий он вновь будется Дьяволом в мистерии или ему хоть раз дадут иную маску? Кроме того, он еще народился в восьмиде Веры, и это даровало его плоти склонённость к высоким чуйствам – если он полюбит, то вознесет свою любимую до Небес. А еще Филипп таковым же будется... И герцог Альдриан Лиисемский тоже народился в восьмиде Веры».

Маргарита всё свое отрочество боялась Нинно – раньше он казался ей великаном, даже людоедом из Варварий. Навещая Беати, она часто встречала Нинно, выходящим из кузни: черного от копоти, как демон Ада. В передней своего дома, у сундука, кузнец снимал кожаный передник и рабочую рубаху. Раз десятилетняя Маргарита натолкнулась там на него, когда он умывался, и увидела его мускулистый, словно отлитый из матовой бронзы торс. Никогда и ничуть Маргарита не желала проказничать в его доме, но когда она играла с Беати, то девочки увлекались и обязательно что-нибудь случайно портили. Маргарита лет до тринадцати ужасалась, что Нинно в этот раз уж точно разорвет ее своими ручищами, однако он, уставший и не говоривший ни слова, молча обедал, слушая оправдания девчонок, потом принимался чинить то, что они сломали. Беати твердила подруге, что ее брат очень добрый, вот только Маргарита сомневалась в ее словах. С одной стороны, Нинно беспокоился, кушала ли Беати вовремя, покупал ей всё необходимое и защищал ее. Он имел доходное ремесло кузнеца и унаследованное место в гильдии ковалей, но так как был холост и содержал всего одну сестру в возрасте невесты, которую мог выдать замуж, то получал от гильдии самые недоходные заказы, к тому же в год выплачивал податей и сборов почти на две золотые монеты. На оставшиеся скромные

средства Нинно ухитрялся баловать сестру – маленькой Беати он дарил гравированные листы со сказками, а повзрослевшей давал деньги на полотна для нарядов и на мелочную лавку. С другой стороны, из-за холодного гумора Нинно скупился на чувства и никогда их открыто не проявлял. Ни разу Маргарита не видела, чтобы этот «великан» обнял Беати или сказал ей что-то нежное. Синоли и Филипп, хоть занимались в первую очередь собой, могли подойти, поцеловать сестру, обнять или сказать пару добрых слов, отчего у нее теплело на сердце.

В целом, Маргарита нечасто покидала дом, еще реже свой квартал; без сопровождения тетки, Синоли или дяди ей не позволялось выходить в город, тем более появляться на улице после заката, ведь ответственность за незамужнюю девушку лежала на ее семье. Поэтому сейчас она с жадностью смотрела по сторонам, восторгаясь всем подряд: каменными домами на богатой Северной дороге, черепичными крышами, шпилями с флюгерами, расписными окнами-эркерами и резными ставнями, но прежде всего нарядами горожан. Тогда как все женщины носили длинные платья и удивляли лишь головными уборами, мужчины одевались куда вычурнее, ярче и смелее: несуразные шляпы, пестрые узкие штаны, нарочно неправильно надетые шапероны или камзолы... Молодые холостяки наряжались особенно броско. Нинно в свои двадцать четыре года еще не женился, но не имел склонности к щегольству и носил одну и ту же невзрачную одежду. Тем удивительней он выглядел в это благодаренье: Нинно предстал непривычно чистым, выбритым и коротко подстриженным. На нем краснел новый камзол длиной до колен, сильные ноги обтягивали синие и тоже новые штаны, голову покрывала маленькая шляпа с отогнутыми полями и перышком сзади. От него даже пахло какими-то цветами.

«Все в новье! – грустно думала Маргарита по пути к Главной площади. – Даже у Синоли, похоже, новая рубаха. И этих бурых холщевых сапогов, длинных как чулки, я не припомню. Ну хоть чепец-то у меня новый, и сразу видно, что он-то еще ненадёванный».

В будни, то есть кроме календ, благодарений и торжеств, Главную площадь занимал рынок. С севера площадь замыкал второй главный храм города – храм Возрождения, вмещавший (вместе с Главной площадью) до сорока тысяч прихожан, – исполин, овитый каменным кружевом, вздыбивший спину багряными шатрами-пирамидами, протыкавший небо тремястами шестьюдесятью пятью шпилями и строго поглядывавший витражными окнами в стреловидных арках. Перед храмом находилась огороженная колоннами устрина (место для прощания с усопшими), но именно ею пользовались, когда предавали огню тела аристократов, богачей или наместников герцога Лиисемского, – в такие дни рынок опять закрывали. Внутри храма один сатурномер показывал времяисчисление Элладанна, другой – Святой Земли Меридиан. В последнем, отмеченным меридианской звездой, а не крестом, нуждались раз в тридцать шесть лет. Когда в полночь Великого Возрождения северная стрела меридианской звезды указывала на первую минуту, первый час, первый день Веры и первый год, по Элладанну разносился звон колоколов. Коленопреклоненные, молившие о чуде горожане начинали рыдать от счастья, зная, что раз они еще живы, то Божьему Сыну опять удалось развести Солнце и Луну. Люди возносили хвалы и радовались, что их спаситель возродился.

С запада и востока Главную площадь ограждали нарядным забором несоразмерно вытянутые по высоте и сжатые по ширине, теснившиеся друг к другу дома зажиточных торговцев; на первых этажах размещались их лавки, на вторых-третьих этажах проживали семьи дельцов. Здесь любил селиться и патрициат – властная верхушка Элладанна из сотни наиболее богатых горожан незнатного происхождения. Патриции возглавляли сразу несколько родственных гильдий и должны были работать ради их блага, но на деле они так писали законы, что обогащались сами. Маргарита с завистью поглядела на дом владельца скотобойни, точнее, на балкон и двух принцесс, своих ровесниц, устроившихся там. Длинные рукава сочно-зеленого наряда шатенки переходили в полубант за спиной, игриво завязанный у самого выпуклого, пикантного места; брюнетка, набросив шлейф розового одеяния на руку, гладила крохотную, беленькую

собачку, пушистую, словно комочек снега. Долгие вуали, прикрывая изнеженные лица девушек-невест, ниспадали из их сложных причесок, перевешивались через перила балкона и будто дразнили простых смертных – тех, кому не так повезло, как им. Двух «принцесс» развлекал безусый юноша в столь узких штанах и камзоле, что щеголь выглядел так же неприлично, как если бы вовсе разделся; на голове у этого богатенького счастливчика непонятным образом держалась шляпа с высоченной тульей, прозванная «сахарной головой».

С юга размашистая площадь упиралась в Дом Совета, в ратушу – простоватое и тяжеловесное как крепость, тоже впечатляющее своими размерами здание из грязно-желтого песчаника. Звон с колокольни ратуши оповещал город о времени: тяжелый гулкий бой Толстой Торй, самого большого колокола в Орензе, отбивал часы, мелодичный перелив колокольчиков поменьше добавлял еще треть часа. С семи часов ночи и до четырех утра колокола спали вместе с Элладанном. Если все колокола били одновременно, то они призывали горожан собраться перед ратушей.

Кроме подсказок колоколов и храмовых сатурномеров, время в жарком Лиисеме можно было определить по разнообразным солнечным часам. Тень на них утверждала, что до начала торжеств – речи Альдриана Красивого и казней под музыку, оставалось две триады часа или сорок восемь минут. Горожане еще собирались на зрелище; их дети резвились у квадратного фонтана в центре площади, где любой желающий мог утолить жажду. Неподалеку от ратуши, с высоких постаментов, взирали на своих подданных два черных памятника. Левый изображал Олфобора Железного – рыцарь, правивший в двадцать седьмом цикле лет, носил кольчугу и длинное, как у женщин, платье; двумя руками суровый воин опирался на меч. На постаменте справа покойный отец нынешнего герцога, Альбальд Бесстрашный, облаченный в доспехи, что уже казались старомодными, возложил ногу на покоренного льва. Еще один лев, из мрамора, сидел над дверью голубого дома златокузнеца Леуно, в полукруглой нише между первым и вторым этажами. Оба зверя имели гриву, но мордой почему-то сильно различались. Живого льва Маргарита видела еще в Бренноданне на ярмарке – он был добрым, напоминал собаку и не скалился, как его неподвижные собратья на Главной площади.

Между двумя памятниками протянулся эшафот с каменной аркадой о восьми столбах – виселица для шестерых смертников. От этих кровавых подмостков и в знойный летний полдень будто веяло холодом, а горожане переставали улыбаться, когда бросали туда взгляд. Эшафота боялись со священным трепетом, ведь там прочно обосновалась Смерть, – никак не меньше цикла лет ни одно благодаренье в Элладанне не обходилось без смертной казни. В пятнадцатый день Нестяжания слева от места казней вознеслась помпезная трибуна с ложей, роскошно убранная желто-красными полотнами с соколами Лиисема и восьмиконечными звездами Орензы; с правой стороны от эшафота сколотили временные подмости для музыкантов. Барабанщики и трубачи разминались, наигрывая бодрые, незатейливые мелодии. Кто-то в толпе отплясывал, другие распивали вино из фляг, третьи слонялись без дела и знакомились с такими же одиночками. В воздухе витала благополучная, сытая безмятежность.

Когда объявлялось торжество, то по закону Элладанна трактиры отпускали пиво и вина за полцены. Синоли предложил не ждать понапрасну, «наперед одолеть жажды там, где ему всегда радые-наирадющие» и повел своих спутников в злачную подворотню у Западной дороги. Внутри трактира места уже не нашлось, зато Синоли там, действительно, все были очень рады. Бойкий прислужник лет тринадцати, примечательный разве что лопухими ушами, их не отпустил: выкатив бочку и четыре бочонка, он устроил своих гостей под палящим солнцем у оживленного проезда, по какому то и дело проносились всадники или громыхали телеги. Договорившись, что задержатся не более чем на триаду часа, Синоли и Нинно сели спиной к дороге, чтобы хоть как-то защитить своих сестер от пыли, летевшей из-под копыт лошадей. Вскоре, исполняя заказ Синоли, прислужник принес четыре кружки пива. Все улыбнулись, радуясь тому, что оно прохладное, и лишь Маргарита скривилась.

– Ты же знаешь, что я не пью ничто хмельное, – с укором сказала девушка брату: каждый раз, когда ей пытались предложить выпивку, она вспоминала отца и его измазанное вонючей грязью лицо – и ее передергивало.

– Не нуди, – раздраженно ответил Синоли. – В Лиисеме с трех годов уж пьют с муху вина, а эт пиво!

Маргарита еле сдержалась, чтобы не зареветь, промолчала и отвернулась от брата. Вдруг Нинно свистнул, подзывая ушедшего внутрь трактира прислужника.

– Чего ты хочешь? – спросил Нинно.

– Воды... сладкой... – робко ответила Маргарита.

– Нету, – посмеиваясь, ответил не по годам деловитый юнец. – Да, Боже мужику сотворил две беды: бабу и её «вместу пивов воды».

Тут же он стер улыбку под взглядом Нинно.

– Лады, красава, ща для тя чё-нибудь справим, – сказал прислужник, почесывая себя за оттопыренным ухом. – Но два медяка уплётите: сахар-то недёшово́й! И за эт пиво, – показал он на большую деревянную кружку, – деньжат не ворочу. Хотишь – хлябай, хотишь – ставляй.

Нинно отдал столько же денег за сладкую воду, как Синоли за четыре порции «веселого хлеба», и минут через девять на бочке оказалась пятая пивная кружка с медовой, а вовсе не сахарной, водой. Маргарита была счастлива. Она послала кузнецу благодарный взгляд, мгновенно застеснялась, встретившись с ним глазами, и молча принялась пить свой напиток. К ее удовольствию, Беати и Синоли болтали без умолку о каких-то глупостях. Слушать их беззаботные беседы Маргарите очень нравилось, но Нинно быстро заскучал.

– Кольцо дрянь вышло? – спросил он Маргариту, разглядывая ее красноватые, в царпинках руки.

– Чего вы, господин Граддак, – смутилась девушка, убирая руки с бочки и пряча их. – Кольцо замечательное. Просто его тетка покудова прибрала.

Из-за разницы в десять лет Нинно всегда говорил с Маргаритой, будто с восьмилетней девчонкой, на «ты». Она же в начале беседы звала его на «вы», где-то в середине разговора забывалась и общалась с братом подруги как с другом, но только произносила его имя, пугалась чего-то и возвращалась к вежливому обращению.

– Я вам всё щас скажу! – обрадованным голосом воскликнул Синоли. – Твое колечко, Нинно, уж жуть наисильнюще приглянулось еще и дядиной принцессе.

– Ну не надо, пожааайлста, – взмолилась его сестра. – Ну не говори, прошу... Тебя там даже не было, и ты ничто не видывал!

Но Синоли всё рассказал, красочно описав прыжки дяди, дурость сестры и гнев принцессы. Впервые на памяти Маргариты Нинно хохотал, откинув голову вверх, она же покраснела, почти как свой чепец. Беати и посмеивалась, и сочувственно глядела на подругу.

– И чего, еще не починили часов? – отсмеялся Нинно, но продолжал широко улыбаться.

– Дядя исползал всей пол, собрал всё до крохи, – ответил Синоли, – но часовых дел мастер сказал, что часы-то авось-либо починяет, но уж без принцессы. И нацелушую сотню регнов за это просил. Впереди Меркуриалий – лишней сотни нету... Да и без принцессы часы дяде ненужные – он как дитё завсегда полудню ждал, когда куколка на балкончик выкатится. За восьмиду, что у него эти часы, он еще не устал хлопать ей за поцелуи... Часы на чердак подняли, но дядя, как глянет в тот угол, так глаз оботрет.

Маргарита закрыла руками лицо под аккомпанемент траурного гласа Толстой Тори и последующего двойного перезвона меньших колоколов.

– Пора, – позвал всех Нинно. – На площади уж не растолкнуться – уж последняя триада часу ступила.

– Ээ, годите, – запротестовал Синоли. – Я ж за пиво Грити уплётил. Я не уйду, покудова и его не окончаю. Я мухой!

– Быстрее тока... – махнул ручищей Нинно.
– Ты будешься «наикраснющий»! – зло проговорила Маргарита брату, убирая ладони от лица. – И так под «наилучищами» час былся.
– На себя поглянь!
– У меня лицо горит, затем что мне стыдно! Я не хотела так с дядей делать. И кабы могла исправить... Но не могусь... И мне от этого еще хуже.

Негодую, Маргарита больно ущипнула брата за плечо, а Нинно пристально посмотрел на нее и ничего не сказал. Пока Синоли осушал кружку, люди стремительно покидали трактир. Когда шумная компания с хохотом вывалилась на улицу, Нинно решительно встал с бочонка.

– Пора и нам. Пьяницы да мы остались.
– С мушку еще, – ответил Синоли и принялся торопливо глотать пиво, из-за чего в конце концов подавился и зашелся в кашле.

На площадь за последнюю триаду часа набилась уйма народа. Балконы, карнизы, окна, все уступочки, везде, куда только можно было влезть, – всё оказалось обсажено зеваками. Даже крыши облепили оборванцы – эти отбросы общества заняли лучшие места, согнав других горожан. Нинно злился, но молчал. Синоли после лишнего пива было и так «наихорошуще».

– Нет, не хорошуще! И даже не хорошо, – возразила Беати, поднимаясь на цыпочки. – Мне эшафота невидная, не то что Грити. Нинно, пошли до того дому, – указала она на голубой дом. – Та ниша со львом еще пустая. Вон тудова.

– Высота немалая, – нахмурившись, ответил ей брат.
– Я-то заберусь, а после Грити подтяну. Ну а пьяницам – в затылки глазеть – потеха! – гневно, но с любовью посмотрела Беати на Синоли.

Они еле-еле протиснулись к нужному месту – даже Нинно едва раздвигал плотную толпу; Маргарита пряталась за его спиной, потом шла высокая Беати, Синоли замыкал цепочку. Вслед наглецам летели недовольные возгласы о том, что надо было приходиться раньше, оскорбления и пожелания скорых бед: добродушные горожане Элладанна разозлились от жары, духоты и ожидания, устали слушать однообразную музыку. Все мечтали, чтобы герцог сказал речь и начались казни.

Не уступая в ловкости театральным акробатам, Беати быстро взобралась на плечи брата, вскарабкалась на портал двери, затем на постамент статуи сидящего льва и втиснулась в нишу. Настала очередь Маргариты.

– Я так не смогу, – запротестовала она. – Я внизу побуду. Всё равно я не люблю глазеть казни. Тетка меня нарочно сегодня выпустила, чтобы укрепить мою веру страхами, а я и без этого верую и боюсь. Не полезу!

– Давай! Ты маленькая и худая – тебе тут придется лучше, чем мне, – настаивала Беати.
– Тебя задавят, – подтвердил Нинно. – Народу набавится. Я подыму тебя, а ты давай мне на плечия.

Он без усилий поднял ее, держа за талию. Находясь на его плечах и опираясь одной рукой о стену, девушка старалась не думать про то, что ее юбка случайно покрыла голову Нинно, когда она залезла на него. С помощью Беати Маргарите удалось поставить ногу у лап льва. Внутри низкой, тесной ниши девушки присели на спину мраморного животного с разных сторон, обняли его за шею и довольно улынулись друг другу: открывшийся вид превзошел их ожидания, а ложа герцога и эшафот оказались так близко!

Место казни, трибуну и подмости музыкантов ограждали от взволнованного моря из людских голов городские стражники, яркие из-за полосатых по диагонали, желто-красных нарамников – накидок длиной до середины бедра в виде куска ткани, сложенного пополам, с прорезью для головы и без боковых швов. Под нарамниками стражники носили кольчуги, на лицах – железные маски. Еще всадников пятьдесят, преторианских гвардейцев, оцепили

свободное пространство площади между эшафотом и ратушей. Эти охранители герцога Лиисемского, обитатели Южной крепости, щеголяли в желтой форме, броских красных плащах, горящих золотом кирасах из стали с латунным покрытием и в таких же «золотых» открытых шлемах, увенчанных алым, будто петушиный гребень, плюмажем. Преторианцам полагалось благородное оружие – меч, сильно укороченный в сравнении с рыцарским; городским стражникам – копьё в пять локтей с наконечником, объединившим игольчатое острие и клинок топора. И те, и другие воины пускали свое оружие в ход, не раздумывая, так что горожане не подумали бы их задирать.

Некогда за порядком в Элладанне следили только преторианцы, но после знаменитого в истории города бунта и возникновения патрициата, хранители закона разделились на городских стражников и на преторианцев – привилегированную гвардию герцогов Лиисемских. Стражники стояли на городских воротах, прочесывали в ночное время улицы, тушили пожары и доставляли преступников в тюрьмы. Набирали их из числа горожан, по мужчине от гильдии. Так как в городе насчитывалось триста четыре гильдии, то столько же было стражников, – и этого невеликого количества хватало для поддержания порядка в стотысячном Элладанне, ведь стражники были своими для горожан. Их чтили, так как больше ни к кому, кроме как к стражнику из своего квартала, обратиться за защитой горожане не могли. Тот искал воров, поджигателей, убийц или насильников, поручался за знакомых в Суде и разрешал споры соседей.

Преторианские гвардейцы происходили не из Элладанна – направлялись они на службу рыцарями из числа лучших воинов; они не подчинялись городским властям, и покарать их мог только герцог или его мечник, из-за чего гвардейцы зачастую являлись зачинщиками кровавых расправ да насилия. Отличались они и спесью. Не так давно, прямо на торговой улице, днем, преторианец зарезал за недовольное замечание состоятельного горожанина и не понес за убийство наказания, – вот горожане и ненавидели гвардейцев герцога, и до ужаса их боялись. Эти чувства не переносились на правителя Лиисема: жители Элладанна во всем винили глав преторианцев, прикрывавших перед герцогом своих подчиненных и оправдывавших их злодеяния, тем более что время от времени гвардейцев всё же казнили или ссылали на каторгу. Так, с одной стороны, в Элладанне царил жесткий закон, особенно строгий и несправедливый к беднякам; с другой стороны, тем, кто знал, с кем и как себя вести да смиренно подчинялся властям, тем удавалось избегать неприятностей. В городах даже бедному человеку жилось неплохо; одних привлекала безопасность городских стен, вторых – заработок, третьих – возможность подать за что угодно в суд и получить возмещение ущерба, четвертых – развлечения. По праздникам в Элладанне устраивали яркие зрелища, раздавали хлеба или иные угощения, – за эти подарки и обожали своего правителя горожане, поскольку милости куда как более ценны теми, кто их редко получает.

Появление Альдриана Лиисемского перед своими подданными и его речи сами по себе были значимыми событиями, обсуждаемыми пару триад спустя. Толстая Тори уже издала тройной бой, но роскошная трибуна оставалась пустой. Маргарита никогда до этого не видела своего герцога вблизи и маялась от нетерпения: она боялась, что несчастливая доля ей не изменит и именно в этот день он не придет. Духота усиливалась, а с ней рос недовольный ропот в толпе, – тем сильнее все обрадовались торжественным звукам труб, под какие появился их долгожданный любимчик – Альдриан Красивый, «блистательный и неотразимый».

Герцог Лиисемский очень понравился и Маргарите: статный, немного загорелый из-за пристрастия к соколиной охоте, с изящными чертами лица, густыми черными локонами и смольяными глазами, унаследованными им от матери из рода Баро, но с раскосым разрезом этих выразительных глаз – таким же, какой был у его отца, Альбальда Бесстрашного. Тонкие губы нисколько не портили герцога Альдриана, ведь когда он улыбался, то становился обаятельным, когда гневался, его рот превращался в тонкую линию, похожую на порез, что через миг наполнится кровью. Герцог Лиисемский всегда пышно и красочно наряжался – вот и в ложе трибуны

он предстал перед подданными в переливающимся камзоле, чрезмерно раздутым в плечах и на груди, из-за чего мужчина казался атлетом. На голове правителя Лиисема устроилась невестинья шляпа: ее широкие поля отгибались вверх, а вместо тульи рос высокий, толстый, как сноп, хвост из белых перьев. Золотые перстни, кинжал, пояс и нагрудную цепь раскрашивали драгоценные камни. Крупный бледный изумруд, Слеза Виверна, блистал искрами света, и они будто исходили из сердца вождя Лиисема.

«Герцог Альдриан походит на сказочную птицу, – подумала Маргарита. – На ту, с обложки bestiaria, что делал из цветной проволоки плетельщик с квартала Нинно... Тогда все детишки сбежались глянуть на ту невидаль: на птицу, каковой крашее нету и у каковой сто очей на хвосту, на Павлина...»

Толпа рукоплескала, неслись крики прославления и любви. Отца Альдриана Красивого, Альбальда Бесстрашного, почитали за военные подвиги, за победу над ладикэйцами и за то, что после нее он получил множество привилегий, сделавших Лиисем весьма независимым герцогством. Король Орензы более не мог лишить герцога Лиисемского титула, королевские указы не действовали в Лиисеме без доброй воли его вождя, новый монетный двор начал чеканить собственные золотые деньги с профилем правителей: альбальды при герцоге Альбальде и альдрианы при нынешнем герцоге, – тогда и наступило процветание этих земель. Но люди еще хорошо помнили, какие строгие нравы царили в Элладанне при герцоге-отце. Тогда на эшафот можно было угодить за мелкое распутство, за игры на деньги, за чрезмерную роскошь или даже за чересчур шумную свадьбу. Герцог Альбальд хотел видеть свой народ скромным и благочестивым.

С правлением герцога Альдриана суровые законы стали отменяться один за другим. Альдриан Красивый сам подал пример новой жизни – и будто случилось то, что алхимики Меридеи называли Перерождением Материи: костюмы аристократов из черных, что «чернее черной черни», преобразились в радужные и вычурные. Подражая своему герцогу и его двору, горожане тоже начали носить феерическую смесь красок и полюбили затейливые шляпы. В моду вошли тканые шпалеры с фривольными изображениями, изящная расписная мебель, статуэтки с полуобнаженными красавицами, которым с годами всё меньше и меньше прикрывали волосами груди. Для ткачей, красильщиков и особенно для суконщиков – продавцов тканей, наступили благие времена. А те дельцы, что ухитрились пережить аскезу минувшей эпохи и первыми предложили на продажу роскошь, те сказочно и быстро разбогатели.

Как и его отец, Альдриан Красивый увлекался соколиной охотой, пятым рыцарским мастерством и излюбленной забавой знати Лиисема с незапамятных времен. Столь высоким уважением пользовались эти благородные птицы, что все незамужние девушки мечтали увидеть сокола во сне – получить пророчество о женихе знатного происхождения и воистину рыцарских Добродетелей. Но иное отношение было к диким хищникам, воровавшим мясо на рынках или похищавшим цыплят. Сокол, падающий камнем вниз, являлся символом еретика-богоборца, вероотступника, тогда как воспаривший к солнцу олицетворял язычника, ставшего меридианцем, – именно такого сокола, красного и белобрюхого, обнявшего крыльями солнце, избрал знаком своего рода Олфобор Железный. При его потомке, Альдриане Красивом, случилось непостижимое ранее новшество: на охоту стали выезжать женщины. Пока ловчие пугали уток и цапель, одни красавицы резвились на берегу озера, играя, невинно шая и услаждая взоры мужчин, другие аристократки пускали с рук пернатых любимцев. В небе разворачивался зрелищный воздушный бой, внизу играли музыканты, плавали за добычей собаки, прислужники устанавливали шатры для уединения и убирали яствами столы. В свободное от охоты время двор герцога «скучал» в замке, на вершине холма в южной части Элладанна, – в белокаменном дворце с голубыми черепичными крышами. На празднества там устраивались грандиозные маскарады и танцевальные балы, какие сочли бы верхом неприличия во времена Альбальда Бесстрашного и неминусом казнили бы всех «распутников».

Альдриан Красивый стал герцогом в двадцать один год, во второй день празднества любви и счастья, во второй день Венераалия, на двадцать третьем году предыдущего цикла лет. В первом году, сорокового цикла лет, он справил свой тридцать пятый год жизни. Родился же Альдриан Лиисемский во втором году, тридцать девятого цикла лет, в день луны второй триады Веры или двадцать пятого дня Веры, на следующий после Юпитералия день. Он получил от ночного светила в крест склонностей Веру и Трезвение, Любодеяние и Сребролюбие. Двенадцатый месяц Юпитер наделил его властью и мудростью правления. Его гумор вышел сухим, посреди холода и горячности, а гуморальными соками были желчь и черная желчь, сулящие неожиданные вспышки то гнева, то меланхолии.

Все тринадцать с половиной лет, что Альдриан Лиисемский правил, он получал от звезд щедроты. До весны первого года, сорокового цикла лет, его огорчало только одно. Первая супруга, герцогиня из Санделии, за двенадцать лет не смогла подарить ему наследников, и он с ней развелся, после чего она стала его сестрой, покинула Элладанн и ныне жила где-то на юге. Вторая жена, принцесса из Лодвара, с которой Альдриан Красивый обвенчался три года назад, родила ему вторую девочку подряд.

Герцог Альдриан, появившись на трибуне в желто-красной ложе, приветственно поднял правую руку и обвел толпу глазами. Пребывая в хорошем настроении, он улыбался, показывая ровные, белые зубы. Обратив внимание на красоту Беати, герцог помахал ей и отправил в сторону южанки воздушный поцелуй.

– Нас с Грити нацеловал герцог Альдриан! – радостно закричала вниз брату и жениху Беати.

– Лезла б ты оттудова, – недовольно проворчал Синоли. – А то скупердяй Леуно, хозяин льву, наибольшеушущее взысканье всем нам вдарит. Так и будет: ты же с Грити, а с ней без бед не бывается.

– Синоли! – возмутилась Маргарита. – А чё ты молкнул, когда я сюда лезть не хотела? Молчи теперь дальше!

Из толпы зашикали, требуя молчания от Маргариты тоже: герцог начинал речь.

– Излюбленный мой народ, – начал Альдриан, и его приветствие потонуло в овациях. – Вы, дети Богоблагославленного Лиисема, его сыны и дочери, – прервал он себя, дожидаясь, пока стихнут оглушительные звуки хлопавших ладоней. – Отраднo мне, что вы собрались праздновать появление у всех у нас наследницы. Да пошлет Всемогущий долгих лет жизни моей второй дочери, да не заберет Смерть герцогиню Юнону до ее венчания, как первую мою дочь, покойную герцогиню Физдру, – сделал Альдриан паузу для поздравлений и пожеланий здоровья его потомству. – Отраднo, что мой народ разделяет радость мою и надежду. С той же охотой разделит он и мысли мои, и принятые мною решения. Желал бы я сказать одни добрые, славные слова, но я обращаюсь к своему народу с призывом: мы все должны сплотиться перед грозой, надвигающейся на нас севера!

Альдриан Лиисемский сделал длинную паузу. Толпа молчала, догадываясь, о чем их властитель будет говорить. У Маргариты от тревоги будто свился колючий клубок в животе, а Беати перестала улыбаться.

– Герцог Рагнер Раннор, известный в Меридее как Лодэтский Дьявол, захватил Бренноданн и вскоре вместе с ладикэйцами направится к нам по Лани!

Волна возгласов ужаса и страха прокатилась по толпе; многие перекрестились. Маргарита тоже нарисовала на груди крестик, и Беати последовала ее примеру.

– Не поддавайся страху, мой народ, – продолжал Альдриан. – Я не страшусь – и вам не стоит! Враг не завоевал столицу Оrenzы: горожане сами трусливо открыли ему ворота всех четырех крепостных стен Бренноданна, напуганные мрачной славой этого лодэтчанина и ужаснувшись небылицами о нечистых силах, что ему помогают. Мой храбрый народ, неустраши-

мые люди мои, я знаю, что вы на колени не встанете даже перед настоящим Дьяволом, не то что позорники из Бренноданны! Я знаю, что вы не поверите в суеверные слухи, как не верю в них я, ваш смелый вождь и добрый господин! Я, Альдриан Лиисемский, донесу истину истин до тех, кто имеет сомнения! Герцог Рагнер Раннор – он лишь человек из обычной людской плоти! И к тому же один из самых презренных рыцарей Меридеи! Его войско недурно снабжено оружием – это так, но оно состоит не из рыцарей, не из оруженосцев. Его войско – это сброд вольниц, мнящих, что порох им поможет превзойти военную науку! Войско Лодэтского Разбойника ничтожно – всего пара тысяч, а ладикэйцы да их шепелявый король, едва узрят голову Лодэтского Разбойника на острие копья, разбегутся, как трусливые зайцы, каковыми они и являются!

Из толпы раздались хлопки и крики одобрения.

– Страх захватил Бренноданны и подчинил разбойникам! – горячо говорил герцог Альдриан. – Страх – и наш главный враг! А любого другого врага мы одолеем! У нас есть всё для победы: достаточно и воинов, и орудий, мы знаем, как обороняться, как напасть и как погнать варваров прочь! Наша земля тоже за нас: лодэтчане и ладикэйцы – мореплаватели, и не умеют воевать на суше, а вот лиисемцы – напротив! Враг пойдет на нас по Лани, и ему не раз предстоит сразиться по пути до Нонанданна. А там мы его добьем! Остановим разбойников еще в Орензе, до границ Лиисема. Я набираю войско в сотню тысяч копейщиков, не считая рыцарей, стрелков и конников, – войско в сотню тысяч пехотинцев!

Толпа загудела, обсуждая новости со смесью удивления и беспокойства.

– Все пехотинцы будут снабжены оружием, форменными и защитными одеждами, – говорил Альдриан. – Получат мясное довольствие, хлебное и денежное. Они и их семьи освобождаются от уплаты податей. Жалование пехотинца-копейщика – два регна в день, арбалетчика, лучника и ружейника – три, четыре и пять регнов в день, а панцирная пехота получит шесть регнов в день! За триаду – это девяносто серебряных монет!

Под оханье толпы Маргарита подсчитала, что панцирный пехотинец получит годовой доход равный тому, что приносит лавка дядюшки Жоля, да еще и на питание не потратится, и податей платить не будет.

– За пленение Ивара Шепелявого – двадцать пять тысяч серебром! За голову Рагнера Раннора, Лодэтского Разбойника, живую или мертвую, – тридцать три золотых альдриана! И каждому воину за победу еще по золотому! Никто обижен не будет! Добыча – поровну, трофеи – каждому!

Пышное слово «трофеи» прозвучало восхитительно: так и грезились породистые скакуны в сбруе с самоцветами, золотые кубки на золотых подносах, сундуки заморских пряностей... Толпа взревела от радости. Альдриан поднял кулак вверх, приказывая молчать и показывая, что он не договорил.

– Это были хорошие вести, любимый мой народ. Впереди нас ждет много трудностей и много невзгод. Храбрые мужи Лиисема, самые сильные и отважные, вскоре отправятся в Нонанданн, – и многие из них не вернутся назад. Все празднества в городе после Меркуриалии отменяются до разгрома врага. Мы с достоинством и гордостью разделим с воинами их тяготы: пока не добьемся победы, в герцогстве Лиисем вводится новый военный сбор, равный подушной, поимущественной и поземельной подати.

Гул ропота и недовольства.

– Сбор пойдет на нужды наших защитников, на питание и оружие для них, – продолжал Альдриан Лиисемский. – Кто собирается слукавить, утаить монеты от казны, тот не только Мою Светлость грабит, а обкрадывает храбрецов, что его спасают, губят себя и проливают свою кровь, но оберегают его жизнь, его честь, его дом! Наказание за такое злодеяние, как и положено, последует жесткое: позорная виселица! Отказывая себе и своей семье в мясе и масле, помните, что их вместо вас получает воин! Тот, кто влачит тяготы и терпит лишения,

пока вы сладко спите! Тот, кто бьется насмерть, защищая ваши дома! Тот, кто готов отдать жизнь за ваше сытое процветание после победы! Терпеть придется недолго, и без терпения не обойтись, иначе враг придет в наш город, ворвется в ваш дом, – и всё у вас отберет, выгнав вас прочь! Получите пепелище вместо дома, нищету и бродяжничество, позор и бесчестье для себя и своих семей, гибель, если не от рук беспощадных варваров, то от голода! Или же падайте на колени прямо сейчас да так и стойте, пока вас не убьют! А раз выбираете жить достойно, то не ропщите и в часы испытаний!

Снова довольный гул. Неожиданно кто-то крикнул из толпы:

– А чаго же, Ваш Светлусть, от королю найшего, от королю Эллы, подмбщи не будётся? Рот Альдриана превратился в щелочку-рану.

– Нет, этот недостойный отец предал нас, своих детей, свою землю и свой долг! – твердо и зло сказал герцог. – Он ныне в Идерданне – закликает о чуде для Орензы – вот и вся его нам помощь! Король молится у статуи Святой Мэйрты! У статуи женской заступницы! И этим всё сказано! Теперь каждое герцогство, графство или город Орензы одни против врага. Что же, мы обойдемся без такого труса, как Элла Короткий! Мы – храбрые и непобедимые лиисемцы, прославленные воители Меридеи, мы станем той мощью, что разобьет варваров, даст пример прочим и соберет Орензу под крылом сокола! Лиисем столь обширен, что мы ранее не нуждались в чьей-то помощи – и сейчас не будем никого о ней просить! У нас довольно пушечных орудий, чтобы изжарить любых дьяволов, – и если надо, мы сделаем еще больше пушек! Наша сторона – правая, и Бог на нашей стороне! Он послал на наши земли войну, но не в проклятье нам, а в милость! Лишь негодному трусу испытание войной – горе, храбрецу война – это удача! Как и тридцать шесть лет назад, лиисемцы вновь одержат верх над ладикэйцами. А после победы мы ничего не забудем – нам заплатят не только наши враги: Элла Короткий более не получит и медного четвертака из Лиисема! За лишения мы возвратим себе всё сторицей и будем процветать еще пуще, чем сейчас, чем когда-либо до этого. Наши жертвы окупятся щедротами, терпение и стойкость переплавятся в серебро да золото. После победы масло и мясо будут на столе даже в самом бедном доме! Даже в будние дни! А нужда навек отступит от земель великого, благословленного Нашим Господом Лиисема и от нас, его великих детей!

Герцог Альдриан закончил речь под радостный гомон. Когда он, помахав на прощание, покидал трибуну, толпа ревела так, что воздух над ней падал вверх и вниз. Люди под бравурные звуки труб кричали одно слово без остановки, одно имя, – они кричали «Аль-дри-ан!»

Градоначальника мог назначить на должность король, принц, герцог или маркграф. Порой им становился младший сын аристократа, негодный из-за слабого здоровья к воинской службе, но чаще это место доставалось незнатному мужчине, способному управиться с неисчислимыми нуждами большого поселения. Градоначальник Элладанна должен был проверять судей, руководить стражниками, предотвращать эпидемии или бунты, наблюдать за деятельностью послов, организовать почтовую связь с соседними городами, развивать вместе с патрициями торговлю, в то же время ограничивая их власть, регулировать сборы, наполнение казны и ее расходы, упреждать преступления и «передавать слово» герцога Лиисемского. Также он хранил «Медную книгу» с переписью небогатых горожан, «Бронзовую книгу» с учетом городской земли и «Серебряную книгу» со списком владельцев широкого имущества, – по этим фолиантам управа взыскивала подати и различные сборы, нотариусы заверяли сделки, а мирской суд принимал жалобы. «Золотая книга» с именами аристократов и «Железная книга» воинов хранились в канцелярии герцога.

Главой Элладанна более двадцати лет оставался Ортлиб Совиннак, знаменитый как суровым нравом, так и наружностью – его фигура была столь грузна, что когда он взошел после герцога на трибуну, то показалось, что в ложе сгустилась туча. Он предпочитал неброскую одежду, строгого кроя и преимущественно темную; летом появлялся в длинном нарамнике

поверх укороченной туники, зимой – в полукафтани и плаще с бобровым воротником, но всегда его видели в черной токе – небольшой шляпе без полей с жестким околышем и мягкой верхушкой. Перьев или каких-либо иных украшений его бархатная тока не имела. Маргарита, глядя на то, как градоначальник разворачивает свиток, отмеченный двумя свинцовыми печатями, в который раз подумала, что он похож на медведя – столь противоречивого и непредсказуемого зверя, что тот стал символом двуличия, а то и безличия (меридейцы считали, что медвежата рождаются бесформенными валунами и их облик лепит медведица-мать). Ортлиб Совиннак зачитывал условия отбора воинов и детали службы, извещая, что им полагалось, а что нет. В Элладанне надлежало сформировать пехоту из двадцати тысяч мужчин, достигших возраста Посвящения – восемнадцати лет, и еще не минувших второго возраста Благодарения – сорока с половиной лет. Лучников, арбалетчиков и ружейников брали в любом количестве и любого возраста. Кроме них требовались плотники, камнетесы и хирурги. До конца второй триады Нестяжания рыцари Лиисема намеревались производить отбор в пехоту, а затем еще триаду обучать новобранцев во всех четырех крепостях Элладанна. В календу восьмиды Кроности войско выдвигалось к Нонанданну.

Слушая речь градоначальника вполуха, Маргарита от скуки его рассматривала: большая голова с острой бородкой и токой будто бы росла без шеи из тяжелого туловища; на правом плече был накинута, как шарф, красный шаперон; на поясе поблескивал церемониальный золоченый ключ от города. Уменьшенные копии такого ключа, из серебра, также подвешивали к поясу патриции, а шаперон-шарф гласил о важном положении мужчины – их имели судьи, магистры, лучшие из астрологов. Черный шаперон означал степень «с почетом», красный шаперон – «с большим почетом», серый шаперон – «с максимальным почетом». В обычной жизни шапероны носили на голове, при исполнении обязанностей клали на плечо.

Еще у судьи была трость с печатью на набалдашнике, у магистра знаний – мантия, у лекаря в Элладанне – плоский колпак, похожий на перевернутую миску. Градоначальник Совиннак в повседневной жизни пренебрегал своими инсигниями власти – ключом и шапероном-шарфом, поэтому для горожан его черная тока тоже стала негласной инсигнией.

«Чего я про него помню? – думала Маргарита. – Он жуть старый – родился в тридцать восьмом цикле лет, как дядя Жоль и тетка Клементина, но он вовсе старик, – ему не меньше пятидесяти! Тетка Клементина говорит, что он родом с южного берега Лиисема, с Веммельских гор, откуда была ее бабка. У градоначальника Совиннака глаза темные, как и у тетки. Наверное, когда он злится, то они блестят, как ее глаза... Только у тетки Клементины глаза слегка навывкате, а у него усаженные внутри глазки-прорези, как две щелки. И моя тетка лишь в своем доме грозная – перед прочими она вечно лебезится и старается годить им, как Мамаше Агне... Старается нравиться... А градоначальник глядит на людей жестко... Чего я еще помню? Его поставил градоначальником Альбальд Бесстрашный, и при герцоге-отце он полнил виселицу и всякое благодаренье, и медиану... Странно, что его не погнал с месту Альдриан Красивый. Градоначальника же никто в Элладанне не любит, хоть и все его боятся: зовут за глаза Свиннаком, но говорят это тихо или даже шепотом. Его так обзывают, затем что он очень толстый, но мне нравятся толстяки – они добрые, как мой дядюшка или дед Гибих – дед тоже добрый, хотя бывается жуть грубым... Дядя Жоль еще и всей этакой мяягкий, и я люблю, когда он меня обнимает, но у градоначальника полнота... злая. Его лицо вроде и не худое, но скулы приметные – кабы он былся стройным, они бы лезли нам в глаза».

Нижняя часть лица градоначальника спряталась за густой и короткой бородкой, сходящейся клинышком, темной, но с белесыми разводами проседи. Аккуратно подбритые, тонкие усы соприкасались с густой растительностью на подбородке и щеках – такие бороды были в моде при покойном герцоге-отце.

«Сразу видное-то, – продолжала рассматривать Ортлиба Совиннака Маргарита, – что цирюльник ходит к нему ежднѣвно – борода экая лощеная... Чего ж он не сменяет ее на что-

то помоднее? Или вовсе не сбреет? С ней он кажется еще старше... пережитком всяковым... Хотя сейчас я рада, что он наш глава: да, его никто не любит и он вгоняет в страх, но... Если мы так его страшимся, то и наш враг тоже будется его бояться... Наверное...»

Окончив речь, градоначальник Совиннак удалился из ложи. Трубы, конечно, проводили его торжественной песнью, да и горожане похлопали, но выглядело чествование неискренним. Маргарите с высоты был хорошо виден свободный от толпы участок между эшафотом и ратушей. Она наблюдала, как Ортлиб Совиннак спустился по лестнице с трибуны и быстро зашагал вдоль стражи к воротам ратуши, точнее, затопал тяжелыми медвежьими шагами – когда он шел, то немного наклонялся вперед, словно двигался против ветра. Все преторианцы, кроме одного всадника, вскоре удалились вместе с отбывшим через пару минут герцогом Лиисемским.

Затем начались казни. В перерывах били барабаны, трубы приветствовали каждый новый этап. Маргариту лет с семи частенько водили на такие зрелища, и она перевидала все виды наказаний, за исключением тех, когда насильникам вырывали половые органы: тогда незамужним девушкам приказывали отвернуть головы и закрыть глаза. Но когда женщине, виновной в распутстве, отрывали щипцами одну грудь, то тетка, наоборот, запрещала ей не смотреть и твердила, чтобы она, Маргарита, знала, что случается с той, у кого такой же Порок Любодеяния, как у нее, и кто не нашел в себе силы, чтобы его побороть – кто изменил супругу и тем самым совершил преступление перед Богом и законом. За это плоть неисправимых преступниц предавали смерти, а черти в Аду пытали душу. Позднее Маргарита случайно узнала, что та женщина с оторванной грудью чудом выжила и покинула с супругом Элладанн, поскольку соседи могли довершить правосудие и забить ее камнями.

Казни всегда были будоражащими и поучительными зрелищами, но лицезреть их Маргарита не очень любила, ведь даже к отъявленным злодеям она чувствовала сострадание. В семь лет она, вообще, обливалась горячими слезами – тетка же дергала ее за руку и требовала, чтобы она прекратила реветь и позорить ее, а то люди решат, что они родня «той грязи с эшафоты». Повзрослев и привыкнув к виду наказаний, Маргарита, по-прежнему жалея «грязь», время от времени смахивала с ресниц слезы, опускала глаза, но темное, перемешенное со страхом любопытство брало верх – она всё равно смотрела на эшафот и жертв двух палачей.

В первой части казней пороли плетью в наказание за мелкое плутовство при торговле или за нетяжкие нарушения закона, такие как не вовремя выплаченное взыскание, несогласие с принятым решением Суда, любое неуважение к Суду, первое покушение на убийство при смягчающих условиях, первая кража до дюжины регнов и многое другое. Часто наказать бичеванием требовали через суд, после чего тот, кого высекли, мог подать встречное прошение о подобном позоре для своего обидчика. Восемь мужчин вывели в одном исподнем, и сначала их всех привязали за кисти рук к кольцам на столбах каменной аркады, поставили лицом к толпе. Перед исполнением наказания судебный глашатай, одетый в короткую, пеструю мантию с желто-красными полосами Лиисема и двумя розами Элладанна, нудно зачитывал вину осужденного, приговор и отказ в помиловании. Обычно присуждалось восемь или двенадцать ударов двухвостой плетью со свинцовыми грузилами, реже – трехвостой – самой опасной, порой раздиравшей плоть до костей. После несчастных поворачивали спиной к зрителям, подтягивали их на веревке за руки вверх и приподнимали над настилом эшафота. Удары кнута они принимали смиренно, зная, что останутся живы, обойдутся только шрамами на спине, пусть и на всю жизнь. Пока одного преступника пороли, предыдущего опускали вниз – позволяли ему, обессиленному, стоять на коленях, но полностью не отвязывали до окончания бичевания всех других осужденных. К очередной своей жертве палачи подходили со свежим, еще не отсыревшим в крови кнутом, дабы никто не усомнился в их неподкупности или радении.

Каждый стон несчастных толпа встречала улюлюканьем и радостными воплями. Сначала все наказуемые пытались терпеть, но палачи, отец и сын, хорошо освоили свое презируемое ремесло – никто из их жертв не выдерживал боли. Первый вопль с эшафота вызывал у зевак свист позора. Тем осужденным, кто терпел дольше других, иногда после казни рукоплескали. Тех, кто быстро сдавался, оскорбляли на все лады, кричали им грязные ругательства и на прощание плевали в них. Все ожидавшие бичевания знали: если совсем не терпеть, ни одного раза не удержаться от крика, то толпа потребует выдать ей «слабака» на расправу – и в конце казни палачи, скорее всего, уважат это требование – «угостят своих зрителей десертом». Разгоряченные кровью и смертью, добродушные горожане Элладанна, в том числе женщины и юные девушки, били несчастных, царапали их, вырвали им волосы и в завершение всего разбивали им головы о брусчатку. А вот если жертва ни разу не застонала, то такой человек становился кумиром толпы. Ему надевали венки на голову, выносили его с эшафота на руках и угощали в пивной: на один день он превращался в триумфатора, в того, кто победил палачей Гиммаков – дебелого Эццля и его одутловатого сына Фолькера.

Последними приговоренными к бичеванию стали две женщины. Толпа оживилась, приготовившись увидеть редкость, а музыканты повеселили толпу в перерыве, наиграв заводной мотивчик.

Двух женщин, босоногих, простоволосых, одетых в нательные сорочки, что для дам приравнивалось к обнажению догола, вывели одновременно. Обеим Маргарита дала возраст тетки Клементины – около сорока лет. Первая из преступниц, покрасневшая от стыда, тряслась от страха всем своим пышным телом и всхлипывала, пытаясь вызвать к себе жалость – и, как заметила Маргарита, это ей удалось: издевательские выкрики угасали. Женщин, в отличие от мужчин, привязывали за кисти рук к веревке виселицы, позволяя сидеть, поджав под себя ноги, – так терпеть боль было легче. Когда первая осужденная подняла над головой руки, Маргарита увидела на ее сорочке желтые пятна в подмышках и начала жалеть эту женщину еще сильнее – та словно очеловечилась для нее, из незнакомки стала той, о которой Маргарита уже что-то знала.

– Властью Суда, – стал читать судебный глашатай, – вдова Мартина Лознак, вольная горожанка, госпожа и владелица трактира «Мартина не разбавляет пиво водой», приговаривается к двенадцати ударам двухвостой плетью за то, что разбавляла пиво водой.

Толпа взревела от негодования: пиво приравнивалось к хлебу, ежедневной пище всех людей Меридеи. Только два съестных товара, спасавших бедняков от голода, стоили одну медную монету во всех королевствах континента: буханка ржаного хлеба и кружка пива. Воровства у тех, кто и так обездолен, горожане прощать не собирались.

– Пори стерву! – требовала толпа. – Пададь! Секи, да не жалей! На всей хребет лярву знакум плети меть! Пиявка! Ворона!

Маргарита, строго осуждавшая поступок трактирщицы, с надеждой посмотрела на окна ратуши – она ожидала чуда: что градоначальник-медведь, узнав об унижительном наказании для дамы, проявит мужское благородство и отпустит ее, ведь позорно стоять в белье перед тысячами глаз и бояться плети, – это и так урок на всю жизнь.

– В помиловании отказано, – равнодушно добавил глашатай.

И казнь началась. Эццль и его сын происходили из рода палачей Гиммаков. В будни, когда они не работали на своих кровавых подмостках, то отвозили на могильной телеге к загородному кладбищу мертвецов (обычно тела бродяг, найденных на улицах), а также чистили публичные уборные. За свой грязный труд семья Гиммак получала семь регнов в день – столько же, сколько хороший плотник, да еще освобождалась от уплаты податей, тем не менее молодой Фолькер уже как три года не мог найти жену и продолжить династию.

Смерть чаще всего наступала после пятидесятого удара плети. Кто-то выдерживал меньше, кто-то оставался жив и после сотого взмаха кнута. Эццль Гиммак славился тем, что

умел убить осужденного простой двухвостой плетью с третьего раза, чем ранее злоупотреблял и за что два года назад поплатился – расвирепевший градоначальник Ортлиб Совиннак, расценив такую жестокость как устрашение прочих осужденных и вымогательство подкупа, приказал Фолькеру прилюдно выпороть отца. Более никто на эшафоте «случайно» не погиб. Дядюшка Жоль тогда сказал Маргарите, что так градоначальник предотвратил бунт в городе и сам удержался на должности, ведь заезжие купцы, всегда немного плутовавшие, предпочитали обходить Элладанн стороной, местные кустари перебирались в Нонанданн, а городская казна пустела.

Эциль с тех пор брался исключительно за крепких мужчин, поэтому трактирщицу бичевал Фолькер. Сила его рук значительно проигрывала отцовской, однако трактирщица сдержалась только два раза, и ее освистали.

– Думал, ты твердая баба! – неслось из толпы. – А ты жидкое дерьмо!

– Да хрен я еще раз ногою в твойный пивняк, обдувала!

Вторая женщина, крепкая и широколицая, походила на сильванку – землеробую из деревни. Ее льняная рубаха удивляла белизной и чистотой. Пока пороли трактирщицу, эту женщину за заломленные руки держал Эциль. Палач-отец, желая видеть страх, заставлял ее смотреть на казнь, но сильванка застыла в умиротворении – ни один мускул не дрогнул на ее блаженном, будто бы освященном дланью Бога лице.

«Так в храмах рисуют мучеников веры, – думала Маргарита, обращаясь к окнам ратуши. – Ну пожайлста, пускай ее помилуют. Нельзя наказывать людей с такими ликами. Будетя кара!»

– Властью Суда, свободная землеробая Арвара Литно, приговаривается по ходатайству ее супруга Семи Литно, надельного человека с земель Его Светлости герцога Альдриана Лиисемского, к смерти за прелюбодеяние. Назначается тридцать шесть ударов трехвостой плетью. Если Смерть не снизойдет, то назначается еще тридцать шесть ударов. В помиловании отказано.

Толпа разразилась свистом и хохотом: их забавляло, что муж подал в суд на свою благоверную, – так делали, если она уже опозорила супруга на всю округу и он ничего не терял.

«Нет, – подумала Маргарита, – не может человек со столь светлым лицом прелюбодейть». И ей закралась в голову мысль, что Семи Литно просто захотел избавиться от постаревшей жены: такие истории тетка Клементина порой рассказывала домочадцам.

– Желаешь ли покаяться без приобщения? – безучастно спросил Арвару Литно глашатай.

– Нет, но у меня будётя слово. И пущите руки – я не сбёгу.

Толпа засвистела и потребовала всего этого: зеваки хотели узнать подробности пикантной истории.

– Освободи ей одну руку, – приказал глашатай Эцилю. – Говори покороче, – обратился он к осужденной. – С тобой и так возни на триаду часа, а еще висельники ждут.

Арвара Литно обвела толпу затуманенными глазами. Затем подняла руку и погрозила пальцем.

– Лодэтский Дьявол! – громко сказала она, указала пальцем на доски эшафота и вдохновенно зачитала: – Огонь Великий, до Небес возносящийся, тьму и холод от нас отгоняющий, жизнь дарующий и ее пожирающий, пощади человеческий род, слабый род, успокой свою мощь, усмири ты и нашу плоть. Лишь Огня устрашатся земные правители, Пекла адова, души в тлен обратить грозящего, да Дьявола, Ада властителя, убоятся все смертные грешники. Под личиной иной он живет среди нас, сеет слух нечестивый, несправедный, разум слабых смущает лукавством, разум сильных пугает коварством. Лодэтский Дьявол!

Приговоренная произнесла строки из молебна на празднество Перерождения Огня – и удивительно, но она, неграмотная сильванка, изрекла их на меридианском языке, какого никак

не могла знать. Горожане, в подавляющем большинстве тоже безграмотные, поняли лишь слова «Ад», «Дьявол» и «Лодэтский», после чего возмущенно вскричали:

- Лодэтская лярва тщится нас проклять!
- Задай ей жару, Эцьль! Секи ведьму до дыму, Фолькер!
- Погладь-ка плетью по ейному роту, поганому!
- Надобно подпалить ее маненько, раз Ад с Дьявулум так ей любви!

Кисти рук Арвары Литно начали привязывать к веревке. Когда ее усадили на колени и развернули спиной, Маргарита увидела золотисто-каштановые волосы изумительной красоты, упавшие до дощатого настила эшафота. Маргарита поняла, что сильванка виновна, – девушка не осознавала толком, что значит прелюбодействовать, только догадывалась, но эти волосы хотелось целовать и гладить.

«Раз за Любодеяние в Аде надлежит шестой ров страданий, соседний со рвом нечист для гордецов, то и нам негодно жалеть блудников всяковых, как говорит тетка Клементина. И нам, женщинам, больше свезло, чем мужчинам – те после смерти будут мучиться, как и женщины: черти выжгут им каленым железом губы за преступные поцелуи и срамные места. Душа женщины раньше покинет ров Ада, а вот распутный мужчина напроживает на этом свете дольше и, если не отсечется от блуду, то и во рве наказаний прибудет дольше – будет уплбчивать за грехи да жалеть... И всё же это странно: мужчинам можно покаяться – и Ада не будет, и его не казнят. Женщину же и казнят, и всё равно истерзают в Аде. Только если уйти в монахини, лишь так можно отмолить прелюбодеяние и детоубийство...»

Толпа меж тем орала при виде этих густых, прекрасных волос:

- Шлюха! Пүтаница из тухлятины!
- Старая девка!
- Кошатица! Лупа! Гульня!
- Ведьма!

Арвара Литно повернула голову назад и зашевелила губами: она будто бы смотрела на Маргариту и обращалась именно к ней. Конечно, девушка не могла слышать тихий шепот смертницы, однако по ее спине пробежали мурашки – она поежилась и опустила глаза.

Роскошные волосы убрали со спины приговоренной, Эцьль порвал ее сорочку, а Фолькер взял оплетенную проволокой треххвостую «плеть Смерти» с крючками и гвоздями, но ему не удалось выбить и вскрика из Арвары Литно. Горожане на этот раз пребывали в недовольстве: героизм от женщины, виновной в тяжком преступлении, являлся не тем же самым, что стойкость мужчины при наказании за мелкий проступок. Молчание блудницы злило толпу. Такая гордая смерть, достойная мучеников веры, унижала собравшихся. Тогда дебелый Эцьль, неопрятный здоровяк с бельмом на правом глазу, сменил сына. Он порол свою жертву неспешно, во всю силу натренированных годами рук, делая минутные паузы, чтобы несчастная прочувствовала боль. Три раза плеть сплеталась с волосами Арвары – они схватывали кнут и прерывали казнь, будто были живыми и защищали свою хозяйку. Тогда Эцьль менял плеть на свежую, еще больше ожесточался и бил так, что кровь летела в его рябое лицо. С эшафота не донеслось даже слабого стога. Дополнительных тридцати шести ударов не потребовалось – разозленный палач устал, сдался и напоследок перебил своей жертве позвоночник.

Толпа была разочарована такой концовкой, однако предвкушала главное зрелище – повешения. Градоначальник Элладанна, Ортлиб Совиннак, убедившись, что палачи не злоупотребили полномочиями, покинул ратушу сразу после наказаний плетью.

Среди смертных казней повешение считалось крайне позорной участью, хуже было лишь закапывание по голову в землю, еще хуже – утопление в нечистотах. Сожжение на костре являлось самым благим, поскольку было бескровным, а душа прощалась с плотью и очищалась в боли. Ведьм сжигали, потому что желали хоть немного помочь этим злодейкам, впавшим в наи-

тяжелейший грех колдовства, и, если получится, спасти их души. Все казни, приносящие страдания, признавались добрыми, ведь у душ преступников, гибнувших в муках, имелась большая вероятность попасть на Небеса. Смерть от плети меридианцы воспринимали как милость, вот и Арвару Литно никто не жалел, зато на висельников, напротив, смотрели с сочувствием, ведь тех неминуемо ждал Ад. Облегчить мучения будущих жертв Дьявола, могло только искреннее покаяние.

В торжество ни одна из веревок не должна была быть обделена, и висельников, конечно, оказалось шестеро. Всех приговоренных, мужчин, раздетых до белья, – убийц, грабителей и разбойников, показали зрителям. Пятеро ничем не удивляли: худые или рослые, молодые или старые, все они будто бы несли печать убогости на лицах. Кто-то улыбался, делая вид, что не боится, кто-то угрюмился, иные смирились и любовались солнечным небом в последний раз. Лишь тот, кого вывели последним, он был явно не из этой компании. У него даже не имелось белья – срам прикрывала грязная тряпка, замотанная вокруг его костяных бедер и протянутая между отвратительно истощенных ног. Толпа его поприветствовала радостным ревом, как старого знакомого, оборванцы на крышах засвистели так, что у Маргариты заболели уши. Стало понятно: этот бродяга знаменитость.

Серо-желтая от хворей и грязи кожа уродливо обтягивала скелет висельника. Косматая шапка спутанных волос то седого, то рыжеватого цвета торчала вокруг его лица гривой льва и сливалась с бородой беспорядочной длины. Волосы на ребристой, впалой груди серебрились, хотя стариком или слабосильным этот невероятно худой человек не выглядел. Бродяга широко улыбался, показывая желтоватый язык и пеньки редких, гнилых зубов. Из запавших глазниц лица-черепа сияли безумные, радостные глаза. Он выглядел как сама Смерть в своем самом омерзительном воплощении, и всё же был обаятелен, а в молодости, должно быть, даже красив.

– Блаженный, чего эт тебя? – донеслось из толпы. – Авось ощупал барнессу Тернтвонт? Небось сразу за...

– Ж...пу! – ликующе закончил Блаженный.

Толпа заревела от восторга: за оскорбления знати полагалась виселица, но нищий и так уже разминал шею под петлю и теперь ничего не боялся.

– Еще слово, – равнодушно сказал глашатай Блаженному, – и тебе, бродяга, язык без суда вырвут... Жди своей очереди молча.

Блаженный театрально резко стих, скорчив испуганную рожу и вознеся глаза вверх. Если бы его руки не были связаны за спиной, то наверняка он сложил бы их домиком как при молитве. Все смеялись. Беати, Нинно и Синоли хохотали вместе со всеми, хотя последние мало что видели. И Маргарита тоже смеялась – уж очень уморительно позировал этот человек, вызывая восхищение своим бесстрашным пренебрежением к Смерти.

Каждого висельника, пока на его шее затягивали петлю, бродяги с крыш приветствовали, выкрикивая прозвища и прощаясь, но без сожаления или печали. После зачитанного приговора, к обреченному приближался священник с меридианским крестом, деревянным, но золоченым, на каком Божий Сын улыбался, не замечая мук, а над ним сливались воедино солнце и луна.

Один висельник сделал вид, что хочет поцеловать распятие, но плюнул на него, чем вызвал одобрителный гул – верующие меридианцы уважали то, что грешник не попытался раскаянием заслужить прощение, был готов за свои злодеяния отправиться в адово Пекло и уже там умереть навсегда. Остальные вели себя спокойно. Когда их вешали, Блаженный смешно метался в своей арке, тряся, издевательски копируя их судороги, привнося в них движения дикого танца и безмолвствуя, что еще сильнее потешало зевак. Толпа умирала от хохота и рукоплескала – она обожала этого шута. Маргарита, ругая себя и обещая молиться во спасение своей души, тоже не могла сдержаться и смеялась так, что боялась вывалиться из ниши, ставшей для нее самой пыткой – она устала сидеть, вывернув и пригнув спину, еле держалась

за мраморного льва. К тому же девушка проклинала себя за то, что выпила слишком много медовой воды. Мужчины на площади опорожнялись на стены домов, и запах, поднимавшийся снизу, становился нестерпимым. Вот тут и выручал Блаженный: глядя на его ужимки, забывались все неудобства.

Предпоследний приговоренный, молодой грабитель, зарезавший своих соседей, захотел покаяться. С петлей на шее и со связанными за спиной руками, он стал сбивчиво рассказывать о своей жизни, начиная с детства. История была печальной, но люди держались за животы. Смеялись и стражники, и даже унылый судебный глашатай часто прыскал смешком, ведь Блаженный корчил немыслимые рожи. Кроме того, он смешно перебирал ногами, прыгал и шатался, оживляя исповедь и искажая смысл слов. Собственная петля на шее ему несколько не мешала, не страшила его и не смущала. Грабитель тем временем покраснел и зарыдал, не прекращая своей речи. Он просил прощения у всех, кому причинил горе, и благодарил за то, что его казнят. В ответ – смех, хохот, снова смех. Все так веселились, что его последних слов никто не слышал. В конце грабитель поцеловал слияние свечей на кресте, но даров стихий ему не полагалось, как и полного прощения. Палач потянул веревку – и под барабанную дробь преступника вознесли вверх, к поделщикам по ремеслу, а Блаженный танцевал, вытаращив глаза.

– Ну что, бродяга? – задорно сказал ему глашатай. – Твоя очередь. Напоследок нас повесилишь?

– Повесялю, повесялю... – ответил Блаженный. – Коль тока дашь мне сказать слово и петлю сымешь, не то ся цепочка меня не красит и я стесняюсь...

– Не допускается... – начал глашатай, но толпа так загудела и засвистела, что он не договорил – быстро развернул свиток и стал читать приговор: – Властью Суда, этот... – удивился глашатай, – господин и вольный горожанин... с именем, оставленным в тайне, приговаривается за бродяжничество к смертной казни через повешение. В помиловании отказано. От покаяния осужденный убедительно отказался.

Толпа бесновалась и свистела, настаивая на дальнейшем представлении, не слушая слов приговора и требуя снять петлю с нищего. Бросив нервный взгляд на окна ратуши, глашатай приказал Эццлю освободить Блаженного.

– Раз этот презренный бродяга – вольный горожанин! – громко обратился глашатай к утихавшей толпе. – То его право на последнее слово действительно. Приступай, хм... господин бродяга! Подмости твои.

Эццль, сняв петлю с шеи осужденного, не стал закреплять веревку и оставил ее болтаться, а Блаженный благодарно улыбнулся своим почитателям. Со связанными за спиной руками он вышел на середину эшафота и поклонился людскому морю.

– Так вот, любимый мой народ! – с чувством стал говорить нищий, изображая герцога Альдриана, но осекся под взглядом глашатая. – Лады, лады, не будуся...

Блаженный прошелся туда-сюда по эшафоту, делая вид, будто сам в задумчивости заложил руки за спину, остановился спиной к своим зрителям, затем резко развернулся и изрек незатейливо рифмованный стишок:

На днях я демона случайно встречал,
Так ентот демон мне такого навещал!
Так вот, любимый мой народ,
Лодэтский Дьявол всё же к нам придет!

Блаженный подошел к палачам.

Как только Дьявол в город наш войдет —
Эццль умрет и сын его умрет!

Нищий опять выскочил на середину эшафота и весело сказал толпе:

– Девчонку ж в красном чепчике наш Дьявол отье...т!

Заведенная, заранее настроенная на смех толпа радостно загудела и заулыбалась. Маргарита хоть и похолодела, сперва решила, что это не может быть о ней. Но как бы не так – Блаженный смотрел на нишу со львом и за ним все горожане на площади поворачивали туда головы. И смеялись. Несколько тысяч людей смеялись над одной ни в чем не повинной, несчастливой девушкой, – и никуда от их глаз и ртов Маргарита спрятаться не могла, не сбросив Беати и не упав сама, а с высокого «постамент» ее хорошо было видно даже последним рядам зевак у храма Возрождения. Она сделала единственное, что могла: отвернула голову, чтобы никто не видел ее лица.

– Да, да, ты! – не унимался Блаженный и снова зачитал рифмой:

Целка в красном чепчике на льве!

Поскачет скоро резво на х...!

Горожане снова зашлись в хохоте: им нравилось глумиться над очередной жертвой, которой из-за своего яркого убора стала горемычная Маргарита. Раскатистый хохот, непристойный свист и похабные остроты из толпы отзывались болью в ушах девушки, на ее глазах от обиды наворачивались слезы.

– Я тебя с ветерком проскачу! – отчетливо услышала она.

– Лучшее с моейным львом порезвися! – раздался другой голос.

Блаженный продолжал «услаждать» публику своей грязной поэзией:

Лодэтский Дьявол в город наш придет,

Девчонку в красном чепчике он отье...т!

И так и сяк ее он будет драть,

Везде руками станет залезать!

Маргарита подумала упасть и разбить себе голову, когда среди издевательского хохота раздался крик Нинно:

– Смолкни, бродяга, а то я щас сам тудова подымусь и не тока язык тебе повырываю!

– Ой, да кто ж енто тама? – издевался Блаженный, которого никто не останавливал. – Мне тебя отсюдова видать хорошо... Куз-нец!

И бродяга снова запел грязными стихами:

Сам ее ты хочешь в целку драть,

Покудова не упадет кровать!

Он засмеялся вместе с толпой, а когда шум чуть стих, крикнул Нинно:

– Корону займей прежде! Без нее тебе – никак! Но тебе связло: я подсоблю, кузнец! Я дам корону и заделаю тябя... Кролём! Да! И раз я сгибну, то сгибни и ты! И тады, кролик мой, – зачитал бродяга «продолжение»:

Будешь ночь и день ее ты драть,

Покудова не грохнется кровать!

Тысячи глоток теперь смеялись над Нинно. Синоли вжался в стену дома, а на перекошенного от ярости и густо покрасневшего от стыда Нинно показывали пальцем. Блаженный продолжал глумиться:

– И сызновууу! – скомандовал толпе бродяга. – Наш кузнец не верит в сие счастье!

Будешь ночь и день ее ты драть,
Покудова не грохнется кровать!

Это похабное двустипше бродяга и толпа задорно повторили раз шесть, еще пуще смеясь, потому что Блаженный стал резко выбрасывать свои костяные бедра и делать другие неприличные движения. Повязка Блаженного чрезмерно натянулась спереди, словно подпернутая кинжалом, – и при очередном движении бедрами она упала вниз, к удовольствию зрителей и новому взрыву хохота.

Тогда палачи бросились к бродяге, но он запетлял по эшафоту, высоко поднимая колени и подпрыгивая. Голый и похожий на сатира – со стянутыми за спиной руками и с гигантским, красноватым детородным органом, он подначивал Эцыля и Фолькера:

– Не заловишь, не заловишь!

Беати улыбнулась и прошептала Маргарите:

– Всё, никому до тебя уж нету интересу. Поглянь и ты...

– Беати, не смейся и глянуть тудова! – прогремел с земли взбешенный, срывающийся голос Нинно. Он не сводил взора с сестры, и та отвернулась от эшафота, но всё равно скашивала глаза и любопытствовала.

– Как только Дьявол в город наш войдет, Эцыль умрет, и сын его умрет! – ловко бегал между палачей бродяга.

В конце концов он их столкнул, вывернувшись сам, и оба палача нелепо грохнулись. Смеялись горожане, конями ржали все стражники – даже желто-красные алебардчики, что находились перед зрителями, повисли на своих больших копьях. Судебный глашатай и тот, когда палачи свалились, схватился за живот и тонко захихикал.

Пока палачи поднимались, Блаженный повернулся к зрителям во всей своей нагой «красе» и заявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.